

Г. Ф. 26

Цена 20 коп.

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	

3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: А. Конан-Дойль „СТРАНА ТУМАНОВ“.

(Новое захватывающее путешествие в загадочную страну. Если уже один текст романа сам по себе настолько интересен, что читатель не может от него оторваться, то прекрасные иллюстрации еще более усиливают и без того сильное впечатление от нового произведения известного английского писателя).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

**4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.**

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настоящая книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:				Без приложений:			
На один месяц	—	р.	—	к.	На один месяц	—	р. — к.
„ три месяца	2	„	—	„	„ три месяца	1	„ 10 „
„ шесть месяцев	3	„	80	„	„ шесть месяцев	2	„ 20 „
„ двенадцать месяцев	7	„	—	„	„ двенадцать месяцев	4	„ — „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 7

1927 г.

М А Й

8

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Мик „Старые и новые“. — Р. Фергюссон „Любящее дерево“. — Н. Листовский „Рассказы старшины Молчанова“. — Хайн „Приключения капитана Кэтль“. — М. Шильдс. „Москит-спаситель“. — М. С. „Охотники за гориллами“. — * * * „В ракете через океан“. — * * * „С современных индейцев“ и т. д.

Герои далекого прошлого

Что в действительности дошло до нас от воинственных северо-американских индейцев? — Одна только живописная одежда, унаследованная потомками от своих далеких предков. Исчез былой воинственный задор, а пышный военный наряд, некогда украшавший воина перед походом, теперь появляется у индейцев в Америке при торжественно-театральных приемах правительственных лиц, а в Европе — на специальных выставках, которые посещает тот, кто хочет сравнить героев своего детства с живыми их потомками.

Сто лет тому назад начали появляться те романы из жизни краснокожих индейцев, которыми зачитывались наши деды и отцы и до сих пор еще зачитываются наши дети. Майн-Рид и Фенимор Купер — вот основоположники увлекательной литературы о «Медвежьей лапе», «Орлином взгляде», «Ястребином когте», «Оленьем прыжке» и т. д.

Увы! Давно и бесповоротно исчезли эти бывшие герои неистовой храбрости, стихийной жестокости и необычайной зоркости. Уже давно прошел 18-ый век, а вместе с ним ушли и его герои. Место воинственного кочевого индейца занято ныне его оседлым потомком, который лишь на выставках и официальных приемах пользуется единственным своим наследством от дедов и отцов — своим красочным и пестрым нарядом: на голове красуются разноцветные перья, рубашка отделана различными бусами, на мокасинах те же пестрые узоры и вышивки.

Черный Рог, 97-летний вождь индейцев-сиуков, который недавно отпраздновал в Германии свой 50-летний юбилей, вождя племени.

О СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦАХ

Современный индеец уже не бродит больше по широкому простору своих былых охотничьих владений. Правительством Соединенных Штатов, равно как и Канады, индейцам отведены строго определенные участки, т. наз. резервации. Все дальше в глубь уходили краснокожие туземцы от истребительного натиска белых пришельцев, пока не очутились в своих последних уделах-резервациях.

Постоянные переходы с одного места на другое, кровопролитные войны из-за охотничьих угодий между соседними племенами и с белыми пришельцами — все это уже предания старины глубокой, такие же воспоминания, как снятие скальпов с поверженных врагов, питье крови из черепа убитого, торжественное сжигание пленников и т. д. Словом, отважный и неугомонный бродяга теперь не издает свирепого боевого клича уже по одному тому, что в одной Канаде, напр., насчитывается 324 индейских школы. Кто не освоился или не примирился с новыми условиями жизни, тот исчез, остался же и выжил тот, кто приспособился к новой обстановке.

Если раньше индейцы жили в палатках из буйволовых шкур, то теперь они пользуются брезентной палаткой, если только не живут в обычных домах, у которых часто видишь их старинные эмблемы и божества. Излюбленный некогда индейцами прием — при нехватке средств пускать в оборот буйволы кожи со своих палаток — теперь уже сдан в архив.

Если прежде все тяжести и различные товары перевозились так, что к лошади прикреплялись две согнутых и стянутых между собой оглобли и получались обычные первобыт-

П
Р
Е
Ж
Д
Е

Индейские палатки из буйволовых шкур.

ные сани для перевозки тяжестей, то теперь индейцы пользуются той же самой повозкой на колесах, что и белый американец.

Да и вообще весь образ жизни современных индейцев резко изменился. Это всего отчетливее сказывается, напр., в брачных обычаях. Если в былые времена, лет 100 тому назад примерно, индеец приобретал себе жену по сговору с ее отцом; если она дочь вождя, ее нельзя было выкупить меньше, чем за дюжину лошадей, и только неважную жену можно было приобрести за пару коней и несколько одеял в придачу. А в наши времена браки заключаются в обычном для всех граждан порядке, с занесением брака в соответствующие книги и т. д.

Как с браком, так и с похоронами. Если теперь краснокожий хоронит своих покойников одинаково с белым человеком, то было время, когда похороны индейского воина отличались необычайной живописностью и неожиданностью форм. Труп зачастую оставляли, напр., вылеживаться на особых подмостках или же подвешивали его на деревья. Закутанное в буйволую шкуру тело покойника прикреплялось ремнями к ветвям деревьев, где и оставалось до полного истления. Одновременно умерщвлялась и лошадь покойника, а голова ее и хвост прибавались к тому же самому дереву, которое приютило и мертвое тело. Все эти похоронные обряды ныне исчезли, хотя и до сих пор вместе с покойником кладут в могилу принадлежащие ему вещи. Если умер мужчина, оставляют ему ружье, если — женщина, то кладут с ней ее швейную машину.

Причудливая улица в одной из индейских деревень в Канаде: у деревянных домов стоят фигуры различных божеств.

Старые

и новые

В. Жана.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«РУЖЕЙНАЯ ДУКА».

На дальний север, на берега Колымы, забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в заимке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дука — исковерканное Дунька).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилову, но именно потому и избегает его. Однако, во время охоты на переплывавших реку лосей раненое животное пробивает лодку и Дука тонет. Спасенная Авиловым, она становится его женой. Отправившись однажды, на охоту, оба они попадают в снежную мятель.

Они шли вперед, полуослепленные, укрывая лицо от колючего белого ада и невольно сбивались по ветру, левее, левее к востоку, шли сами не зная куда, вперед или назад.

— Дука! — позвал Викентий задыхающимся голосом. Она уходила от него в снежное море, как призрак, и оно готово было поглотить ее и скрыть на веки.

— Я тут — ответила Дука. Она была действительно тут, совсем близко.

— Свяжемся! — предложила она, разматывая пояс.

В такие мятели путники связываются рука с рукой, чтобы не растерять друг друга.

— Постой-ка! — сказал неожиданно Викентий, нагибаясь к земле. — Следы... Вышли на дорогу...

Сквозь белые потоки мелькнули на снежном «убое» словно следы от полозьев, переметенные острыми градками сыпучего снега. Дука только махнула рукой. — Какая дорога!.. Наши собственные лыжницы... Мы закружили...

Уклоняясь от бешеного ветра, они описали полный круг и вышли на собственный след. На открытых местах в пургу «кружат» не только люди, но даже степные лошади и дикие олени.

— Пойдем, — сказала решительно Дука. — Я поведу тебя.

Она подошла и обвязала ему локоть концом пояса, другой конец замотала себе за рукав и пу-

стилась вперед, низко надвинув олений кокуль ¹⁾ на лицо и опираясь на посох. Они шли гуськом, как ходят связанные в бурю. Теперь ветер дул им прямо в спину и они старались не уклоняться в сторону. Лишь бы идти прямо, куда-нибудь непременно выйдешь. Час или два они ломали лыжами переметенный «убой», подвигались медленно и трудно, как будто и ноги их были как руки связаны.

— Берег! — крикнула неожиданно Дука, поворачивая голову и стараясь перекричать мятель.

— Вижу! — ответил Викентий.

В тумане мелькнули холмы, словно стученные тучи, чуть отделенные от общего хаоса.

— Ах!

Викентий Авилов двинул обеими лыжами сразу и вдруг ощутил, что лед его больше не держит.

— Берегись! — крикнула Дука, отбегая назад, но было уже поздно. Твердый «убой» разлезся под ногами Викентия, как рыхлая корка, и он провалился по пояс в холодную жгучую воду.

То была «наледь». Горная речка, промерзнув до самого дна, гнала набегающую воду поверх льда и эта живая струя из лощины выбегала на грудь озера, скопываясь глубокой лужей, проедавая внизу матерый лед, а сверху покрываясь новой

тонкой корой. Такие наледы часто встречаются на горных потоках, особенно весной.

Викентий и Дука действительно добрались до берега, но прежде чем выйти на землю, провалились в полярную зажору.

— Держись! — крикнула Дука. Она успела отбежать на крайнюю твердого льда.

Выгибая свой стан и напрягая руки, она потянула за пояс. Викентий выполз из зажоры, как огромная нерпа, и поволокся на брюхе к безопасной закраине. Потом сбросил с ног обломки лыж и с усилием встал на ноги. Его меховая одежда была напитана водой и облеплена снегом и он походил на рыхлый ком, какой ребятишки катают, чтобы вылепить бабу.

— Скорее! — торопила Дука. — обмерзнешь!..

Она шла вперед, волоча за собою изможенного спутника. Викентий тащился через силу. Платье его леденело, особенно снизу, а ноги местами горели, а ме-

¹⁾ Капюшон.

— Берегись! — крикнула Дука.

стами стали не чувствительны и тверды как дерево.

Снег становился все мягче и глубже. Они подошли к нависшему обрыву скалистого берега, где было углубление вроде небольшой пещеры. Оно было набито снегом сверху до низу. Викентий повалился на снег, но Дука сбросила лыжи и стала раскапывать

— Иду за едой, за рыбой.

лыжной доскою сугроб. Углубление очистилось и снежный вал вырос впереди, давая защиту от ветра.

— Иди сюда! — позвала она спутника.

Викентий кое-как переполз в убежище. Тело его, покрытое коркою мокрого льда, не повиновалось ему больше.

— Дай я тебя раздену! — сказала Дука.

Она стащила с него мохнатую обувь и меховые чулки, потом сбросила с себя свою верхнюю «парку» и завернула его холодные голые ноги в сухой мех. Она выжимала его мокрые оленьи шаровары, как выжимают белье, выдавливая из них воду тупой стороной ножа, натирала их снегом, стараясь извлечь по возможности влагу и вернуть сухость, дающую тепло. Снежная стена выросла. Вьюга наметала на нее широкой белой метлой новые и новые горы. Наконец сугроб перепнулся и осыпался на выступ скалы. Отверстие закрылось. Они были в плену, в тесной ячейке, как личинки в древесной трухе. Стало темнее и

теплее. Буря как будто оборвалась. Станным контрастом легла тишина после разнузданного воя, оглушавшего их еще за минуту. Теперь доходило снаружи как будто жужжание пчел. То были белые пчелы мятели, которые визжали снаружи, как медные сирены, и жалили как змеи. Но сквозь снежный окоп голос их казался ласковым и нежным.

Викентий закрыл глаза и впал в забытие. Дука быстро повернула своими маленькими крепкими руками его неуклюжее тело, раздела его до-нага. Белая кожа Викентия слегка розовела под лаской ее пальцев, но на бедрах и около лодыжек отстали помертвевшие клочья, как ветхая бумага, и под ними алело кровавое мясо, как будто натертое соком брусники, которой весельчанские девицы натирают осенней порою свои смуглые щеки. Дука сняла осторожно истлевшую кожу и завернула Викентия в обе широкие парки. Потом подостлала наружную парку из серой парусины, села на землю спиной к скале и голову друга положила к себе на колени.

В крошечной ячейке под снегом было тепло, даже душно, ибо воздух с трудом проходил сквозь снежный окоп. Оба они впали в забытие, обмерзший охотник и его спасительница. Лицо Дуки склонилось низко и словно прильнуло к лицу истомленного юноши.

Ночь пришла и ушла. Мутный свет воскресшего дня проник в подснежную нору сквозь белые окопы. Дука с усилием подняла голову и прислушалась. Снаружи было тихо и пчелы не жужжали: они улетели с озера Лисьего и окрестных лесов подальше к востоку. Дука снова взяла свою импровизированную лопату и стала проламывать путь сквозь снежную стену на волю. Свежий воздух вместе с солнечным светом хлынул в пещеру. Буря исчезла, как будто волшебством, и был весенний день, брызжащий светом, какие бывают на севере весной, морозный в тени, и жаркий на солнечном припеке.

Приземистый лес рос на самом краю обрыва. Дука пошла вверх и стала выбирать из-под снега валежник и сбрасывать вниз. Через полчаса снежные окопы были широко раскрыты и обмяты и веселый огонь горел перед входом в пещеру, наполняя ее запахом свежей смолы. Под каменным навесом стало теплее, чем в доме.

Викентий тоже проснулся и сел на своих шкурах. Кожа, обожженная морозом, все-таки мало болела, но голова его кружилась от голода и истощения.

Дука посмотрела на него озабоченно, потом решительно привстала, достала из-за пояса крепкий дорожный нож, вытащила лезвие из роговой рукоятки и стала его прилаживать к палке, чтобы сделать копье. Потом потянулась к выходу.

— Куда? — слабым голосом спросил Викентий.

— Скоро приду! — ответила Дука успокаивающим тоном. — Иду за едой, за рыбой.

Викентий покачал головой.

— Как ты достанешь? — спросил он уныло и тускло. — Разве этим сумеешь пробить ополонку?¹⁾

— Сумею, достану, — уверенно бросила Дука.

¹⁾ Прорубь.

Она вышла из пещеры и направилась влево к на-
леди. Она обошла ее близко, у самого края, и дальше
перед устьем сердитой горной речки, не скованной
даже морозом, отыскала во льду глубокую промоину,
озерное окно. Кипящая вода прогрызла матерый лед
своими пенными зубами и убегала вниз, вздуваясь пу-
зырями. У этого окна был зимний «застой» рыбы.
Рыба столпилась кругом стадами и рунами и выгляды-
вала наружу, жадно глотая свежий воздух, проходя-
щий сверху в пенной струе. Дуке не пришлось проби-
вать своим слабым копьём трехаршинную толщу льда.
Она просто наметила ближайшую рыбу побольше, по-
жирнее...

— Дедушко, дай! — сказала она жалобно, но воды
молчали. — Плату возьмешь, какую захочешь, — ска-
зала она снова с дрожью в голосе.

И словно в ответ прокатился глухой удар, подоб-
ный выстрелу. Это лед, разъедаемый снизу весенней
водой, не выдержал и треснул.

— Никола, благослови!..

От языческого бога Дука перешла к христиан-
скому, ткнула копьём, ловко подхватила добычу, по-
том вытащила ее на закраину льда.

Дня через три Дука и Викентий вернулись на Ве-
селую заимку. Они не принесли с собой никакой до-
бычи, ни лесной, ни озерной. Дука не решилась взять
из подводного амбара больше дневного пропитания.
Викентий Авиллов хромал, опираясь на посох. Его пра-
вая лыжа, изломанная в середине и связанная лыком,
оставляла на снегу странные следы, как будто от ра-
нених пальцев.

Заимка Веселая уже не нуждалась в добыче из леса.
Первая весенняя «ожила», спасение голодных, пришла
внезапно и обильно, как бывает среди дикой природы.

С верховьев спустился налим и шел к устью реки
выметывать икру. Рыба ежедневно набивалась десят-
ками в ивовые верши и на каждом столе дымилась по-
хлебкой из максы¹⁾, жирная и желтая, как расплавлен-
ный янтарь.

ГЛАВА VI

После того Викентий и Дука поселились вместе
в избушке, когда-то покрытой холстом. Впрочем, Ви-
кентий Авиллов давно наложил настоящую крышу, даже
устроил и сени с чуланом и амбар для рыбы. Усадьба
его стала несколько не хуже, чем даже у Митрофана
Куропалики. Собачья упряжка у Викентия подобра-
лась лучшая в поселке. Одиннадцать псов, вороных и
высоких. Их звали всех на одно имя Воронками. Две-
надцатая была Ворониha, матерая сука, и все воронки
были ее сыновьями. Она шла впереди «потяга», ведя
за собою свое одногнзедое потомство.

Старая Натаха и другие Щербатые девки подняли
крик. Даже богатое вено табаком и деньгами, и чаем, и
тканями, которое Викентий Авиллов сложил к ногам сер-
дитой старухи, ничуть не помогло. Дело уладилось
только при помощи фляжки, долбленой из дуба и на-
литой спиртом, который на севере ценится дороже че-
ловеческой крови и может купить не только дочь
у матери, но даже жену у мужа.

Весну, и лето, и осень прожила Дука под кровлей
Викентия Авиллова. И замечательное дело, — попавши
под новую кровлю, она сразу понесла под сердцем и
через девять месяцев родила первенца сына, молодого
казаченка. Ибо Дука все еще считалась казачьей дев-
кой. Священник должен был приехать на будущее

лето. Тогда имели совершиться одновременно и брак
и крестины. В ожидании этого и в виде компромиса,
мальчика звали именем Викеша по отцу, а прозвищем
по матери Щербатый. Зима удалась ласковая, сытая,
обильная рыбой и дичью. Песцы попадали под бревна,
а олени в ременные петли. Настали веселые святки,
время всяческих потех, игрищ и даже хороводов, ко-
торые водят на севере в долгие зимние ночи в избе
перед пылающей печью.

Толпа «машкерованных», парни, девицы и дети
в вывороченных шубах, с завешанными лицами, весело
ходили из дома в дом. С ними ходила и музыка: Ва-
ська Сопатый и Мишка Пузан. У Васьки была бала-
лайка с некрашенной декой, а у Мишки даже само-
дельная скрипка с струнами из заячьих кишек и
странным смычком из белого конского волоса.

Машкерованные прошли по порядку все избы и
теперь подошли к новой избушке Викентия Авиллова,
стоявшей на отшибе. Еще на дворе перед сенями они
запели «виноградь», старинную святочную песню,
привезенную древними поселыщниками из московского
царства.

А мы ходим ребята, виноградчики,
А мы ищем поищем господинов двор,
Господинов двор посередь Москвы,
На семидесят верстов, на семи столбов...

— Милости просим, гости дорогие! — сказала
Дука, выходя в сени и кланаясь. Но гости не входили
и пели жалобно:

У нас обуточки тоненьки, у нас ножки зябнут, виноградь!
И перчаточки беленьки, у нас ручки зябнут, Виноградь!..
Красно-зеленое.

Они дождались приглашения хозяина, без которого
нельзя войти в избу.

— Пожалуйте, — басом сказал Викентий Авиллов,
кланаясь в свою очередь.

Гости с хохотом ввалились в избу. Началась пляска,
вальс-казак, смешанного типа, медвежьего с козли-
ным.

— Нашу заиграйте, плясовую, — требовали парни,
топая об землю мягкими подошвами сапог, как будто
настоящие медведи. — Камочку заведите!...

Скрипка завела старинную «камочку»:

Ты, каморка, камочка моя,
Мелкотравчатая, узорчатая...

Дука поставила на стол холодную закуску, в пол-
ном смысле слова холодную, как лед: мороженую
рыбу, строганину, нарезанную стружками, и мерзлую
бруснику, красную и твердую, как бусы. Она была со-
вершенно счастлива.

Муж у нее был орел из далекой Руси. Дом у нее
был, как полная чаша. В зыбке у печки дремал почти
годовалый ребенок, а за печкой прятался суседко-до-
мовой, крошечный уродец, которому под праздник пе-
кут колобки величиной с ноготок.

И почетные гости у ней веселились, как у самых
«больших людей».

В разгаре этого веселья с улицы послышался свист,
лай собак и шум подъезжающих полозьев.

— Марчик, подь, подь!... Кура!... — выкрикивали
мужские голоса сигналы собачьей команды. Пляска
прекратилась. Хозяева и гости высыпали на улицу, все
в переमेжку. Луна светила ярко, как днем. По косо-
гору с реки взбиралась вереница собачьих упряжек, —
одна за другой. Они поднимались наверх, как длинные
змеи, и подъезжали к усадьбе Викентия Авиллова. То
был парадный, разукрашенный святочный поезд. Ре-
менные шлеи собак были обвешаны лентами. На попе-

¹⁾ Налимья печень.

речных дугах звенели бубенцы и задние грядки были украшены красными флагами.

— Здорово, старик! — раздавались веселые окрики.

Викентий Авилов с удивлением смотрел на приезжих гостей. То были товарищи снизу, от самого устья, «государственные люди», от «Края Лесов» и от берега моря, те самые, которые проехали вниз по реке три лета назад. Меднобородый Гармолиус и Павел Арбинский, широкий и черный, как жук, и длинный Игнат Симиренко и другие.

— Куда поднялись? — спросил Викентий Авилов весело и удивленно.

— К нам, к нам! — на перебой кричали весельчаны, — гостечки любимые.

В этот святочный вечер они готовы были отдать приедем все, что было в избе, и себя в придачу. То были дальние гости, христовы посланники носители свежих вестей, связь с миром...

— Куда вы собрались? — спросил

оставалось 200 верст и надо было торопиться. Викентий Авилов вывел свою вороную упряжку и молча стал запрягать ее в высокую, узкую «нарту». Ружейная Дука ахнула и обхватила его голову руками и завывала:

— Не пустю, не пустю!...

— Довольно! — сурово сказал ей Викентий и снял ее руки с плечей.

— Нас бросить хочешь? — вымолвила Дука негромко с сухими глазами.

Авилов схватил неожиданно Дуку за плечи.

— На тебе мою правую руку! — заговорил он быстро и тяжело дыша. — Возьми молоток и гвозди и прибей ее к двери. Я себе правую руку отрежу, а с левой уеду!..

— Туда! — указал Авилов на юг

еще раз Викентий и вдруг оборвался. Во рту его внезапно высохло и даже глаза потемнели от буйного волнения.

— Туда! — указал Арбинский на юг широким и властным жестом. — Да ты разве не слышал? Пришла эстафета с пером из самого Якутска. — Зовут, отпустили!..

И он рассказал Авилову в кратких словах поразительные вести памятного «безумного» года... Вести прилетели с севера за тысячи верст волшебной силой лебединого пера, припечатанного к пакету сургучем, и трудно было разобрать в далекой полярной пустыне истинное значение и силу этого чудесного рассказа.

Но ясно было одно: отпустили. Зовут...

Викентий слушал молча и в белом просторе под светом полярной луны перед ним вырастали воочию полузабытые картины: улицы, окна домов, несчетные толпы народа, трамвай, оживление, шум...

Ребенок заплакал. Дука вынула его из зыбки и поднесла к отцу. Но Викентий взглянул рассеянно и даже не поцеловал своего первенца. Мысли его летели далеко, что дальше, то стремительнее. Они перенесли за Урал и теперь приближались к Москве. Новая, загадочная Русь...

На следующее утро гости поднялись еще до света и приготовились к отъезду. До Середнего Города еще

Он был как безумный, и глаза его сверкали.

— Куда, зачем? — вопила по-прежнему Дука.

— Туда! — указал Авилов на юг, как прежде Арбинский. — Домой! Отпустили... Зовут... Россия зовет!..

И Дука притихла.

— Оставляю тебе все имение, — наказывал Викентий, — собак верну из Середнего... Владейте на веки.

— Ворониха, подь, подь!...

Он дернул с пригорка ничем негруженную нарту, вскочил на сидение и умчался, как вихрь. И даже не простился с женою и с маленьким сыном.

Все жители поселка высыпали на уторе и смотрели вслед уезжавшим гостям. Щербатые девки окружили Ружейную Дуку.

— Пускай уезжает, — сказала Натаха безжалостно и просто. — Чужой.

— Викентий уехал, а Веня-то остался... Вика, Веня, Викаша, казаченок мой!...

Лицо ее сияло торжеством, ибо и дом и имение, и внучек, и казачий паек, все это досталось на веки Щербатой семье.

— Уйдите! — крикнула Дука яростно. — Уходите сейчас. Не то ухвачу топор и всех перепластаю!...

Она вбежала назад в избу и захлопнула дверь.

— Дука,пусти! — заплакали сестры, дергая скобку.

Дука высунула голову в сенное оконце.

— Зарежу себя и ребенка! — крикнула она и скрылась окончательно.

Девки с плачем стояли у двери.

— Пойдемте! — сказала неожиданно лукавая старуха. — Не прогайте ее!

— Обомнется, так мягкая будет, — прибавила она философски.

Девичьи семьи привычны к внезапным разрывам, но старая Натаха знала по собственному опыту, что такие разрывы еще не приводят к кровавой развязке.

Дука, действительно, не думала больше о крови и убийстве, только металась по избе как подбитая лисица, открыла сундук, выбросила прочь наряды, дареные мужем, синие и алые сукна, и стала топтать их ногами. Вперемежку лежало мужское белье и одежда, не взятые Викентием.

Сердце у Дуки упало. Ей попала под руку старая верхняя парка из серой парусины, которую Викентий носил на Павдинских горах в позапрошлую весну. Ей вспомнился дед водяной из озера Лисьего, пища из подводного амбара и обещание расплаты. Жестокий старик взял у нее не сына, а мужа, самое милое, что было у Дуки Ружейной. Ибо Викентий Авиллов был ей милее, чем маленький казаченок Викеша.

Она судорожно скомкала старую грубую ткань, прижала к груди и к лицу, понюхала, даже зубами впиалась, потом завернулась в нее с головою, как в плащ или саван. Вынула из зыбки ребенка, завернула его вместе с собою в широкую парку и легла на постель, где она проспала с Викентием, русским пришельцем, две зимы и два лета.

Целый день она пролежала на постели, не шевелясь, как мертвая. Плакал ребенок и сам добирался до груди, сосал и засыпал, и просыпался, и плакал опять. Она не слышала, не чувствовала. Только в полночь Дука вскочила с постели и вышла на двор. Луна светила по-прежнему ясно и река уходила с севера прямо на юг, в загадочную даль. И по белому лону реки тянулась, как атласная лента, санная дорога, по которой уехал Викентий.

— Я тоже уеду! — крикнула Дука, обращаясь к югу. — Я найду, догоню... Ты слышишь, Викентий?..

Но Викентий не слышал. Только собаки завывали на соседнем дворе, начиная обычный полночный концерт. И другие дворы подхватили жалобно, тонко, протяжно...

То был вопль беспомощного севера, обращенный к далекому югу, в безответную даль.

Тан.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧЕЛОВЕК-МУХА

Наше время проявляет особенный интерес всему необычному, эксцентричному. Если кому удастся, напр., изобрести что-нибудь, сопряженное с безумным риском и трепкой нервов, тот сразу же становится любимцем буржуазных масс. Сказанное относится не только к Западной Европе, но в еще большей мере к Новому Свету. Америка всегда была страной сенсаций и именно в ней некий Гардинер, лазатель по фасадам, прозванный «человек-муха», является сейчас героем дня. Когда видишь его висящим на краю крыши, куда он добрался по стене дома, действительно подобно мухе от камня к камню, то невольно захватывает дух. Под этим гимнастом зияет бездна, ибо это не простой «домик», на котором он показывает свое мастерство, а Нью-Йоркский небоскреб. У мистера Гардинера словно нет нервов и ни одной минуты он не думает о том, что наткнется вдруг на шаткий камень и, несмотря на все свое искусство, слетит в бездну. И конечно, некоторое время «человек-муха» еще прогремит, кино-аппараты будут выплачивать ему колоссальные суммы за съемку и, если

сам мистер Гардинер не сломает себе шеи, то он приобретет приличное состояние и спокойно потонет в будничной жизни. Все дело в этом «если».

На этом «если» уже много погибло человеческих жизней. В третьем году погиб в Париже такой же забавлявший праздную публику отважный ползун. Он задумал выкинуть смелый трюк на Эйфелевой башне, держал пари и, действительно, трюк выкинул, но очутился в итоге у подножия башни обезображенным куском мяса. В прошлом году в Буэнос-Айресе таким же смелым лазанием зарабатывал огромные деньги один поляк-эмигрант, но также погиб уже в конце первого года своей опасной работы на потеху звериной толпы.

У нас в России особенно ловкие ползуны появлялись только при каком-нибудь ремонте церковных шпилей. Это и понятно, ведь до сих пор у нас действительно большие и высокие постройки по пальцам можно было перечесть.

И редкий год проходил, чтобы в каком-либо городе не сверзился с какой-нибудь иглы или шпилья смелый рабочий или мастеровой-ремесленник.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Рассказ Р. ФЕРГЮССОНА.

Это не вымышленный рассказ, а правдивый случай из истории начавшейся борьбы черной расы с порабощившими ее английскими властями. Любопытно, что рассказан этот эпизод соучастником колониальной политики англичан, южно-африканским полицейским.

... Две фигуры вынырнули из густого кустарника и, как змеи проскользнув через лагерную изгородь, растаяли в глухой тени барака. На мгновение они притаились, настороженно прислушивались, а потом неслышно, как привидения, исчезли в широко открытой двери. При озарившем барак тусклом свете луны сверкнули широкие заостренные копы, поднялись и опустились, пронзив неподвижную фигуру на походной койке.

Убийцы повернулись, чтобы тем же путем вернуться из лагеря, и... угодили прямо в руки туземной полиции, которая выступила из кустарника и бесшумно окружила барак.

Три дня тому назад некий Эверард Дэнби прислал с золотых приисков своего индуну (старшину) с письмом, которое заключало типичное для таких случаев извещение о том, что подготавливается «нечто, имеющее для нас большое значение». О подробностях он предлагал лично расспросить вручителя письма.

Дэнби не часто обращался за помощью к полиции, а потому, сделав все необходимые распоряжения, вызванные сообщением туземного старшины, мы пустились в наше сорокамильное путешествие...

Капрал Стюарт Кэрнак зажег лампу и стаянул на пол продырявленную копыями, но ничуть не окровавленную простыню, и мы увидели искусную комбинацию из мучных мешков и козьих шкур, которую наш хозяин соорудил в подражание своей собственной грузной фигуре.

— Не поддежит никакому сомнению! — протяжно произнес Дэнби. — Белая раса в настоящий момент не популярна в здешних краях.

Повернувшись затем к сержанту туземной полиции, он прибавил на беглом чинганском наречии:

— Все произошло так, как ты предсказал, Мадонела. Если бы ты не послал вчера своих «ушей» на эту выпивку, тебе пришлось бы сегодня призывать обратно мой идлози (дух).

Старый индуну улыбнулся с глубоко польщенным видом.

— Всему помог случай, хозяин. Интсангу (конопля) и чвала (туземное пиво) — предательские союзники убийц: они замыкают уши и развязывают языки.

Теперь мы принялись с интересом разглядывать мнимых убийц Дэнби. Они никому из нас не были известны. Оба молодые, с приветливыми, открытыми лицами. Но глаза их в эту минуту были налиты кровью и в них виднелось то выражение, которое подтверждало свидетельство Мадонелы, что перед покушением на убийство, они взбодрили себя большой дозой конопли.

Сейчас они, очевидно, сильно страдали от реакции, вызываемой действием этого снадобья, и моргали веками от резкого света лампы. Когда же поняли, что мы провели их, удивление их и испуг были так комичны, что даже полицейские-туземцы забыли свой почтительный страх

перед Мадонелой и усмехались в свои кулаки.

— Ха-ву! Кхоши! Барена! (Вожди! Господа!).

Преступники, быстро осознав свое положение, заговорили с нами в тоне примирения... «Мы сделали прискорбную ошибку! — наивно заявил один из них на наречии Зезуто.

— Несколько ошибок! — Мягко согласился Кэрнак. — За эти ошибки правительство закует вас в цепи, посадит в темный погреб и будет держать вас там, пока вы не станете слишком старыми, чтобы иметь детей.

Это зловещее предсказание снова вызвало пугливое «Ха-ву!»

Кэрнак, сидевший у письменного стола, обмахнул перо и стал допрашивать пленников через Мадонелу. Эта внушительная процедура привела к неожиданному результату.

— Питсенг-ка-Лероцоди, Фофоло-ка-Танане! — сказал он, наконец, обращаясь к пленникам по имени. — По злобе и черноте ваших сердец вы пытались «отослать домой» (убить) моего брата Нондвайиза (Дэнби), хотя он не съел ни вашего скота, ни ваших женщин. Воистину будет почтено народом имя того, кто раздавит таких змей как вы.

Оба обвиняемых заговорили наперебой.

— Замолчите! — оборвал их Кэрнак и продолжал, словно произнося проклятие:

— Каждое слово, которое вы произнесете

сейчас, возвратится на ваши головы в день суда так же, как эхо в глубоких долинах возвращает слова путешественника!

Но это вольное истолкование предписываемого уставом предупреждения было оставлено обвиняемыми без внимания. Они видимо решили высказать все до конца.

— Барена, — начал один из них, — несчастье преследует дом нашего отца. Жатвы не удалась, много скота издохло, а потому свадьбы отсрочены и люди сделались бедняками. Вот этот брат мой потерял свою возлюбленную и дважды на крышу хижины моего отца недавно взобрался пес — предвестник несчастья. Ясно, что на нас лежит заклятье могущественного колдуна. Поэтому Барена, мы обратились за советом к...

Стаянул на пол простыню.

Говоривший вдруг умолк и беспокойно взглянул на своего брата.

— Итак, к кому же вы обратились за советом? — спросил Кэрнак, а Дэнби напряженно нагнулся вперед в ожидании ответа.

— ... К прославленному чародею. Он сказал нам, что наша страна разоряется белыми людьми, что они губят народ налогами, а на скот напускают болезни. Зло процветает и люди гибнут от того, что наши древние обычаи запрещены и закон белых не позволяет убивать колдунов и притеснителей... И вот...

Юноша снова заколебался, но потом торопливо продолжал:

— Он сказал нам также, что Нондвайиза (Дэнби), который выкапывает золото, и Кэкайана (Кэрнак), маленькая ласка, которая говорит многими языками, и Нтвези (это прозвище относилось ко мне) «неудобны».

— Значит Нтвези и меня тоже надо «отослать домой»? — заметил Кэрнак. — Благодарствуем!

— Эти «глаза правительства» надо вырвать вон, так сказал чародей! — заключил свой рассказ Питзенг. — И тогда благоденствие возвратится в нашу страну. Это все, Барена.

Дэнби и Кэрнак посовещались между собой.

— Не совсем все, Питзенг! — сказал Кэрнак. — Может быть наши уши облохли, но мы еще не слышали имени того чародея, с которым вы советовались. Наверное, он говорит устами «Великого», который один решает такие важные дела.

— Барена! — пролепетал юноша. — Я... мы... никогда не слышали его имени.

— Мадонела! — отрывисто приказал Кэрнак. — Возьми этого человека и наложи на него оковы.

Угроза подействовала. Оба пленника тотчас же снова обрели способность речи.

— Барена! — заикаясь от страха пробормотал Питзенг, тревожно озираясь кругом и понизив голос. — Это правда, что он... оно... не имеет имени... потому что это... Волшебное Дерево, которое поет.

Арестованных увели. Сидя в просторном бараке Дэнби, мы вчетвером, — считая и старого Мадонелу, примостившегося на полу, — обсуждали положение вещей.

Уже около года тому назад до нас впервые донеслись слухи о таинственном дереве, которое «пело», предписывало лекарства и снадобы, производило прорицания в духе обычных оракулов. Мы отнеслись к этому как к одной из тысячи туземных расказней, на которые приходится наткаться на каждом шагу и которые мы мимоходом шутиливо высмеивали.

Однако, именно это чудо с течением времени приобретало все возрастающее уважение среди туземцев, пока, наконец, наши шуточные упоминания о нем стали весьма непопулярны и туземцы встречали их откровенной враждой.

Все это происходило в конце 1905 года, и один из бдительных департаментов по туземным делам известил нас о готовящемся в Зудуланде возмущении, которое грозило распространиться и дальше на север. С некоторого времени замечались признаки нового настроения умов среди туземцев — явное доказательство чьего-то упорного тайного влияния. Правда, пока не было ничего определенного: все ограничивалось случайными намеками и недобрыми взглядами, неуловимыми, но угрожающими. Повествование Питзенга было последней непреложной уликой. «Поющее Дерево» из сравнительно безобидного ритуала превратилось в зловещего вершителя судеб, распоряжавшегося жизнью и смертью белых.

Кэрнак велел снова привести пленников и сурово сказал им:

— Слушайте, вы оба! Мы решили, что так как вы молоды и глупы, мы не станем предавать вас в руки правительства, но вы должны будете показать нам «Поющее Дерево».

Оба в безмолвном оцепенении взглянули друг на друга.

— Иначе, — продолжал Кэрнак, впиваясь в них своими жесткими темными глазами, — вы будете очень строго наказаны: вы состаритесь прежде, чем вас выпустят на свободу.

В ответ послышались два глубоких вздоха ужаса.

Мы послали вперед наших пленников под охраной туземных полицейских, одетых в штатское платье (обычную одежду туземцев), и отправились вслед за ними в Бушвельд. Наша экспедиция была отмечена не обычными приветствиями, но молчаливой и угрюмой сдержанностью всех встречных туземцев — красноречивый признак угрожающих волнений. Когда мы прибыли в крааль вождя Миллетелли, нашу

обычную стоянку при поездках по Бушвельду, сбежавшее население окидывало нас мрачными, злыми взглядами и сам вождь заставил нас прождать целых пять минут.

— Ха! Моло Какижана! Моло Нтвези! — сказал он, выйдя нам навстречу.

Кэрнак оглядел его с ног до кончика перьев на его соломенной шляпе и остановил свой холодный взгляд на нерешительно протянутой ему руке.

Рука тотчас неловко убралась обратно. Мы шагнули ближе, к вождю и все трое устремили глубоко серьезные взоры на его головной убор. Эта маленькая сценка закончилась безмолвно. Со смущенным лицом и извиняющимся восклицанием «Ха-ву!» вождь обнажил голову, поднял руку и звучным голосом произнес требуемое туземным этикетом приветствие.

— Мы видим тебя, мой отец, — сказал Кэрнак, говоря за нас всех, — и мы радуемся тому, что ты несомненно нам друг-вождь, а не какой-нибудь злонамеренный дух лесного мрака.

В эту ночь мы услышали и от старого Миллетелли тревожные новости о критическом положении вещей.

Покинув крааль Миллетелли, мы для соблюдения тайны по возможности избегали туземных краалей и в полдень на второй день достигли цели нашего путешествия.

Поющее Дерево росло в самой гуще одной из тех лесных зарослей, которые перемежаются с открытыми покатыми местами по берегам реки Еалюль (Олифант).

По мере приближения к нему наши проводники стали обнаруживать такой страх, что мы принуждены были оставить их на опушке зарослей под охраной туземных полицейских. Но следуя их указаниям, мы без труда отыскали зловещего оракула.

Это было огромное дерево, с серебристой корой и большими мясистыми ветвями. Оно стояло на краю вдававшегося в реку мыса. Со стороны берега к нему прилежала маленькая заросшая травой просека; очевидно, она служила «местом для аудиенций». И просека и лениво текущая черная река были погружены в постоянную глубокую тень благодаря тесно сомкнувшейся вокруг них лесной заросли.

Даже в стране, кишашей «волшебством» или, во всяком случае многими необъяснимыми явлениями, каждый прежде всего стремится истощить все возможные разумные объяснения. Поэтому мы предположили, что здесь таится проделка каких-то заговорщиков. Однако, после обстоятельного расследования, пришлось заключить, что эта проделка достаточно хитроумна. Мы захватили в своем походном снаряжении большое количество веревок, но тщательно осмотрев каждый вершок на поверхности дерева, мы нашли только несколько узких отверстий, которые легко могли проделать белки.

Пока мы в недоумении строили различные предположения, новое обстоятельство дало новый толчок нашей энергии. Почти что прямо под нашими ногами прозвучало тяжелое «бултых», словно большой камень свалился в глубокий колодезь. А тут произошла и другая неожиданность.

Дэнби и я обыскивали по всем направлениям высокую траву и заросли с противоположной открытой просеке стороны дерева, как вдруг почва ушла из-под моих ног и я провалился в какую-то большую дыру.

Я скатился на что-то мягкое, не больше чем на глубину семи футов. Только что подумал о заброшенной охотничьей яме, как еще что-то обрушилось подо мною, и я продолжал мое подземное путешествие среди груды песка и щебня. Я успел только заметить, что стены моей узкой тюрьмы внезапно расширились в черную пустоту, а потом звонко плеснувшись под ногами вода.

Поднявшись на ноги, я увидел, что стою в какой-то пещере, похожей на графин, горлышко ее было узкое, почти вертикальная земляная воронка, через которую я свалился: она находилась высоко над моей головой и сквозь нее падал тусклый кружок солнечного света. Дальше кругом был полный мрак, из которого откуда-то рядом доносилось бульканье воды.

В моем мозгу зашевелились мало приятные мысли о берлогах доисторических пресмыкающихся и о съестных кладовых крокодилов. К счастью, в этот момент в верхнее отверстие просунулась голова Дэнби.

— Алло, вы там внизу дружите? — заботливо осведомился он.

— А где же я еще могу быть, по-вашему! — сердито отозвался я. — Спустите мне веревку!

Оказалось, что верхнее отверстие было искусно замаскировано положенным поверх него тростником, прикрытым сверху торфом и листьями. Несколько пониже были

укреплены крест на-крест два деревянных шеста. Тростник и щепень образовали сверху обманчивый настил, который поддался под тяжестью моего тела, почему я и полетел.

Несмотря на уверения всех туземных полицейских, за исключением сохранявшего величественный нейтралитет Мадонелы, что такое место должно быть населено самыми опасными колдунами, мы решили, что мое случайное открытие требует дальнейшего расследования.

В этот момент три туземца-полицейских внезапно нырнули в кустарники и вернулись оттуда со странного вида темнокожим — молодым человеком, повидимому, нисколько не смущенным тем, что он попался в наши руки.

— Я Матзибитзи, сын Мбуы, — сказал он на Чанзанском наречии, — и я намеревался заговорить с Макози, когда их слуги схватили меня.

А каким образом ты очутился в этом месте, которого все остальные боятся из-за волшебного дерева?

— Я — страж дерева! — со спокойным достоинством ответил незнакомец.

— Вот как? — протянул Кернак. — Хорошо, по закону страж отвечает за то, что он охраняет, а потому я тебя арестую за покушение на убийство и подстрекательство страны к восстанию.

Выстрел попал в цель. Страж на мгновение задумался.

— Макози! — сказал он. — Выслушай мои слова, потому что они правдивы. Я потомок наследственных чародеев и год тому назад закончил изучение всех тайн колдовства. Но нынче худые времена, и хотя все люди хотят ворожить, нелегко получать с них за это плату. Много раз мне приходилось обращать против них мои чары, и я налагал на моих должников самые неприятные кары.

Однажды, когда я собирал здесь целебные травы, мой пес нашел дыру, в которую, я видел, недавно вошел Макози (по лицам слушателей пробежала улыбка). Пес исчез в ней и не возвращался, а лаял где-то внизу. Так как я очень ценил его, то сделал веревку из литвази (ползучее растение) и вытащил его наверх. И вот после этого случая — с видимой непоследовательностью заявил чародей, — «Волшебное Дерево» начало петь. Я покажу Макози его секрет.

Мы быстро приготовили все нужное: веревки, спички, оружие, электрические фонари.

— Пустите его вперед, ребята! — посоветовал Дэнби. — Я вовсе не желаю, чтобы на меня обрушилась одна из его неприятных кар.

Матзибитзи повис на руках на деревянных перекладинах входного отверстия и прыгнув вниз в пещеру, исчез с наших глаз.

— Если Макози последуют за мной, — слышался из темноты его голос, — они спустятся около самого края воды.

В следующую минуту мы все стояли бок-о-бок на узком песчаном берегу, далеко врезавшемся в глубокое течение реки. Черные струйки воды извивались у наших ног.

При свете фонарей стало ясно, как образовалось это диковинное явление природы. Течение реки, огибая береговой изгиб, промыло под высокой отмелью пещеру, высоту которой над уровнем воды следовало отнести за счет постепенно обрушивающегося песчаного потолка. Цепкие, спутанные корни укрепляли и поддерживали боковые стены пещеры. Отверстие, через которое мы вошли, конечно, некогда было берлогой какого-нибудь животного — очевидно муравьеда, теперь берлога была заброшена.

Воздух стоял в ней удушливый и зловонный. Чувствовался запах животных, тления и мускуса, последний намекал на то, что здесь бывали крокодилы. В ответ на наш вопрос, проводник сообщил, что другой вход в пещеру ведет от реки, около двух футов ниже уровня воды. Матзибитзи указал вверх на свитую из растений веревку, с крючками на расстоянии восемнадцати вершков один от другого.

— Лестница! — заметил Кернак.

Я выкарабкивался из ямы последним и понял тогда воркотню людей, которые зарабатывают свое пропитание чистой фабричных труб. Вытянув один раз руку, чтобы остановить закручивавшуюся веревку, я коснулся не земли, а мягкого и гнилого дерева.

— Вот она берлога чародея! — донесся голос Дэнби из тусклого кружка света над моей головой и я, наряду с остальными, протиснулся внутрь на крепкий помост из древесных ветвей, положенный поперек круглого полого ствола.

Мы находились внутри огромного дерева!

Внезапно к нам проник луч света.

— А вот и рот «Поющего Дерева», Макози! — в голосе Матзибитзи зазвучала гордость изобретателя.

Свет падал через отверстие не больше шести вершков, прорезанное в стволе в тени большой ветви. Сквозь отверстие можно было рассмотреть, футов на двенадцать ниже нас, головы туземцев-полицейских.

Что-то зашелкнулось и мы остались в полной темноте. При помощи фонарей мы увидели, что «рот» был замкнут крошечной ставней из козьей кожи, искусно обклеенной снаружи серебристой корой. Неудивительно, что мы не заметили отверстия при нашем первом осмотре дерева!

Матзибитзи скромно признался, что все это устройство принадлежит ему.

— Те, которые не хотели платить за мои предсказания или любовное заклятие, — сказал он, возвращаясь к своему рассказу, — находили плату, которую услышать чудо «Поющего Дерева»; немногие осмеливались уйти, не положив на землю «вознаграждения», хотя они и не получали взамен никакого лекарства. Иногда, — молодой «чародей» оскалил зубы, — дерево повелевало им советоваться со мной и тогда я получал двойное вознаграждение, а слава моя росла еще больше.

Конечно, довольно занятно слушать рассказ юноши в такой обстановке, но сейчас мы сочли благоразумным, за недостатком воздуха в стволе, вернуться в более обычное для людей местопребывание.

Я очень сожалел потом, что «рот» дерева представлял собой очень небольшое отверстие и, мне не пришлось увидеть, как остоленел от испуга старый Мадонела, когда обратившийся к нему из «Волшебного Дерева» голос приказал снова спустить в дыру пещеры веревки для подъема.

— Итак, — заметил Дэнби, когда мы снова выбрались на свежий воздух, — ты замыслил для своего обогащения нашу смерть и поднимаешь народ против правительства. Однако, я все еще не понимаю, почему ты рассказал нам все это.

— Нкози, — возразил Матзибитзи, — это правда, что дерево произносило такие слова и повторяет их снова. Но это не я вещаю их.

Дело становилось интересным, но Кернак ответил, не проявляя никаких признаков волнения:

— Если муравьед выкопал яму, чтобы в ней поселился дикобраз...

— Да, дикобраз, Нкози, колючки которого по горло надоели муравьеде! — многозначительно подхватил Матзибитзи.

— Ага! Вот в чем дело!

— Он — учитель, Нкози. Черный человек из могущественного племени, называемого Э-фи-о-пия (не знаю, что это означает). Он принес народу весть войны и свободы. Он говорит, что мы должны вернуть себе свою страну и что надо смести всех белых, как ветер сметает опавшие

листья. Он говорит на наших языках. Это большое чудо, потому что он пришел из страны, которая лежит за две луны отсюда, за какой-то «большой водой». Своими могущественными таинственными знаниями он открыл секрет «Поющего Дерева» и пригрозил разоблачить меня, если я не уступлю ему на время дерева для провозглашения его проповеди. Вот почему сейчас дерево во время новой луны обращается к многоголовой толпе с призывом к восстанию и, к... я думаю, что Нкози понял меня.

— Думаю, что да!—сухо сказал Дэнби.—Клянусь дьяволом, что это какой-нибудь эфиопский проповедник. Очевидно он родом из здешних мест, раз он говорит на местных наречиях, но получил образование в одном из негритянских университетов Соединенных Штатов и начинился там, в Америке, революционными мыслями. Где он поселился?

— В моем краале, Нкози. Я не смел отказать ему в этом.

— Когда Дерево будет вещать?

— Когда луна повер-

нется спиной к земле, через шесть заходов солнца, Нкози. Кэрнак после минутного раздумья снова обратился к туземцу.

— Ты возвратишься сейчас к себе домой с двумя из моих полицейских и скажешь своим соплеменникам, что ты отправляешься в длинное путешествие. А сам завтра на рассвете вернешься сюда и останешься у меня, пока дерево не запоеет снова.

В эту ночь в нашем лагере, среди зарослей, Дэнби изложил нам свой поразительный план, который мог зародиться только в мозгу горного инженера.

— Я считаю его вполне выполнимым!—сказал он.—У меня есть большой запас нужного вещества, и я легко могу наладить весь прибор.

— Так или иначе, но мы заполучили этого человека!—заклучил Кэрнак.—Но если наш трюк удастся, мы

в корне уьем всю пропаганду. А это для нас—самое важное.

На утро в наши руки попала еще одна вещественная улика. Матзибитзи, в назначенный срок вернувшийся со своим караулом в лагерь, предстал перед нами с большим свертком багажа, принесенного двумя юношами из его краала.

— Макози, — сообщил он, — вот волшебное одеяние «Блулу Алфизи», которое сообщает сверхчеловеческую мудрость его носителю.

— Брат Алфеус, — вот так неожиданность! — шепнул нам Дэнби.

Мы с любопытством следили за развертыванием большого узла, недоумевая, что нам еще предстоит увидеть. Наконец, Матзибитзи бережно и благоговейно вытащил из него настоящий, хотя и поношенный, священнический сюртук и белый нагрудник!

...Хорошенько укрывшись в густых зарослях и высокой траве, поднимавшихся вверх около извилистых корней «Поющего Дерева», с противоположной просеке стороны, мы застыли в ожидании.

Тишина кругом нарушалась только лесным шумом, случайным ревом какого-нибудь крокодила или всплеском рыбы в воде. Казалось, что и мы пришли сюда, подобно неслышно собиравшимся на просеке многочисленным туземцам, чтобы быть свидетелями небывалого чуда, а не для того, чтобы изловить дерзкого врага английского правительства.

Матзибитзи сообщил нам, что проповедник находится уже внутри пещеры, входное отверстие которой было сверху тщательно прикрыто.

Дэнби, лежа в своем тайном убежище, был занят прибором, над приспособлением и проверкой которого он провозился весь предыдущий день. Прибор был наполовину врыт в мягкую почву и соединен тонкими резиновыми трубками с отверстием, тщательно пробуранным в стволе дерева у его корней. Дэнби повернул крошечный кран. Послышалось веселое потрескивание.

— Надеюсь, что он не пронюхает слишком рано этого запаха! — заметил я.

— Бряд ли! Ведь его лицо будет помещаться против «рта» дерева, внутри же достаточно зловонный воздух, чтобы нейтрализовать запах фосфористого водорода.

— Внимание! Представление начинается! Слушайте!

Изнутри дерева донеслось придушенное жужжание. Из нашего убежища можно было расслышать вздох удивления невидимой аудитории на просеке по ту сторону дерева.

— Ха-а-а! Хе-е-е!

Потом дерево начало «петь» чистым и низким голосом. Это не была песня в обычном смысле слова, но своего рода «изибонго», т. е. рапсодия в белых стихах, в каких туземцы воспевают деяния и подвиги своих вождей.

Эта рапсодия и следовавшая за ней «проповедь» говорили о том, что нам было уже известно из показания покушавшегося на убийство Питзенга. В них описывались приготовления к восстанию на юге и злобно перечислялись все притеснения белого правительства.

— Есть у вас мужество, я спрашиваю, есть ли у вас мужество? — раздавался страстный призыв после каждого обвинения белых, а короткие резкие выкрики «Га! Га!» невидимой аудитории подтверждали, что пламенные слова попадали в цель и горячая речь зажигала их ненавистью и жадой нашей крови.

Я был рад, чувствуя на своем бедре мой исправный маузер с десятью зарядами.

Между тем наш чудодейственный котелок продолжал, под присмотром Дэнби, свое бульбуканье, и слабый знакомый запах ацетиленового пламени стал доноситься к нам из прикрытого входа в пещеру. По счастью он направлялся на нас. Ибо все наше «чародейство», которое мы решили пустить в ход, заключалось в большой рудничной лампе, правда, несколько измененной, да в изрядном количестве карбида.

— Если вы полагаете, что достаточно наслушались и удостоверились во всем сами, — послышался шепот Дэнби, — я примусь за дальнейшее.

— Как вы думаете, достаточно ли там газа? — спросил Кэрнак. — Ведь, как вы знаете, надо наполнить им большое пространство. К тому же возможна утечка.

— Уйма газа! Он так и прет внутрь дерева и, будучи легче, чем воздух, поднимается, куда нам нужно.

Дэнби прополз вперед. Блеснул крошечный огонек.

— Чем бы все это ни кончилось, — подумалось мне в ту минуту, — но ему не уйти от наших рук, если даже...

— Трах!.....

Раздался сильный взрыв. Из бесчисленных дыр и трещин в стволе «Поющего Дерева» прынули ослепительные стрелы-молнии. Газ сделал свое дело.

Поднялся тревожный вопль и гул испуганных зрителей. Туземцы-полицейские молчаливо выскочили из зарослей и окружили вход в пещеру. Но человек внутри дерева не появился!

— Не ранен ли он? — спросил Кэрнак.

— Ни чуточки! — небрежно ответил Дэнби. — Разве немного опален...

Вдруг у реки произошло какое-то движение и, покрывая общий гам, пронесся ужасный крик.

— Вот так штука! Он пытался ускользнуть от нас через выход в реку — безумец! — крикнул Кэрнак и мы бросились к берегу, где туземцы, застыв от ужаса, наблюдали жуткую трагедию.

Перед нашими глазами мелькнули на поверхности воды мощные хвосты и чешуйчатые головы дравшихся из-за

своей добычи крокодилов и отчаянный крик прекратился. Несколько пузырей, медленно поплывших вниз по реке, — вот все, что осталось от эфиопского проповедника.

— Дух дерева не будет больше говорить! — заключил Кэрнак свою речь к притихшим туземцам. — Он удалился навсегда, призвав господ Огня отомстить за вторжение в его жилище тому, кто наполнил ваши уши дерзкими речами. Всем вам повелевается вернуться домой и изгнать из ваших умов слова, которые вы слышали. Если вы вспомните их — ваши краали будут разрушены.

— Мне думается, Матзибитзи, — добавил Кэрнак, обращаясь к предприимчивому, молодому торговцу чудесами, — что тебе лучше будет на время присоединиться к нам, для твоей же безопасности!

Но пламя, погашенное нами в одном месте, с удесятенной силой вспыхнуло в другом. Через несколько месяцев, в 1906 году, в Натале и Зузуланде поднялось восстание туземцев, под предводительством Бамбаты, вождя племени Лонди. Если бы не напряженные усилия Департамента туземных дел, возмущение распространилось бы по всему югу Африканского материка.

ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО

КТО ОБВИНЯЛ ПЕРОВСКУЮ?

Небезызвестный царский министр юстиции Н. В. Муравьев — племянник Муравьевых-Виленских, Амурских и Карских.

Желчный, озлобленный и мстительный — Муравьев отличался этими качествами еще с детства. Его совсем некрасивое приплюснутое лицо с коротко остриженными волосами на голове, раздвинутые углы губ и низкий лоб делали его удивительно похожим на породистого бульдога. Но при всем том Муравьев был глубоко образованный и одаренный юрист, первоклассный криминалист и замечательный оратор, сделавший благодаря своему уму, связям и настойчивости блестящую карьеру.

Еще в самом начале деятельности он обнаружил свой ярко реакционный образ мыслей, а как прокурор — был жесток до утонченности и легко разил свои жертвы... Можно даже сказать, что Муравьев по своей натуре был прирожденный прокурор, полюбивший свою профессию и превративший ее в искусство.

Но особенно Муравьев любил политические дела, в которых, благодаря богатой эрудиции, он мог развернуть свой блестящий талант. В своих обвинительных речах он весьма искусно жонглировал и как крайний монархист и как жестокий обвинитель...

Из государственных деятелей, избравших своим прищипом «правосудие», Муравьев был единственным из выдающихся юристов, миновавших традиционное училище правоведения и окончивших только университет.

Но роковая роль выпала на его долю: ему пришлось быть государственным обвинителем своей сверстницы и друга далекого детства — С. Л. Перовской.

В 1856 г. отец Софии Перовской — Л. А. Перовский был назначен вице-губернатором во Псков, а губернатором в то время во Пскове состоял В. Н. Муравьев, у которого был единственный малолетний сын Николай — будущий обвинитель участников процесса 1 марта...

У вице-губернатора Перовского было трое детей. Губернаторский сад находился тут же по соседству и Муравьев просил отца Перовской пускать почаще своих детей играть с его сыном в саду. Здесь был большой пруд. Однажды малолетний Муравьев упал в воду; Соня Перовская и ее два брата с трудом вытащили его из пруда на плот...¹⁾

Муравьев отличался своей жестокостью еще с малых лет. Неуживчивый характер и эгоизм мальчика способствовали преждевременной смерти его отца. Еще будучи несовершеннолетним, Муравьев однажды устроил своему

отцу (любившему играть в карты) грубую сцену и потребовал представить ему отчет, куда девалось наследство, оставшееся после смерти дяди Муравьева-Карского...

И судьбе было угодно, чтобы через двадцать с лишним лет этот же Коля Муравьев обвинял во всеоружии жестоких царских законов свою подругу детства.

Когда прокурор Муравьев перед судом явился в камеру к Перовской и вручил ей обвинительный акт — светлой вереницей промелькнуло в ту минуту в его памяти далекое детство. И как только он обратился к ней с первым вопросом, — ему очевидно стало невыразимо тяжело: с чего начать: «ты», или «вы»?

Но молодая девушка с немалым удивлением услышала из уст жестокого друга детства «ты»... Во время беседы Муравьев и Перовская пережили несколько тяжелых минут.

— Чего ради и как это ты, Софья Львовна, дошла до этого? — спросил Муравьев, вперяя в нее свои пытливые глаза.

И ответом жестокому прокурору было упорное молчание бесстрашной революционерки. Он вручил ей обвинительный акт и, испытывая при этом явную неловкость, вышел из камеры.

Излагать допрос обвиняемой и ход процесса мы здесь не будем, ибо все это описывалось неоднократно.

В 1884 г. на посту прокурора Московской судебной палаты Н. В. Муравьев также отличался своей жестокостью и он настойчиво пробивался к большой карьере. И действительно, мы видим, что он ее делает с головокружительной быстротой. После Москвы в 1891 г. он делается обер-прокурором уголовного кассационного департамента сената, в 1892 г. Муравьев — государственный секретарь, а в самом начале 1894 г. указом он назначается уже министром юстиции. Но честолюбец Муравьев претендовал на высшую роль — министра внутренних дел, а тут то поперек его удачливой карьеры стояли непримиримые враги — В. К. Плеве и С. Ю. Витте, которые ему мешали и которых он ненавидел всей силою своей души.

После 1905 года родилась Первая Государственная Дума. Новые веяния Муравьеву пришлось не по вкусу. Да и кроме того считавшийся с Муравьевым, как с умным человеком, Николай II теперь почему-то не взлюбил его. Николай вообще не любил тех министров и приближенных, которые отличались умом. Муравьев понял, что его роль окончена. И он предпочел уйти с своего активного поста, уступив дорогу В. К. Плеве и С. Ю. Витте. Николай назначил Муравьева русским послом в Риме.

¹⁾ Рассказ брата Перовской — В. Л. Перовского: «Каторга и ссылка», № 2, 1925 г.

РАЗСКАЗЫ СТАРШИНЫ МОЛЧАНОВА

Рассказ А. Листовского

Петр Кириллович Молчанов, старшина 2-го эскадрона Н-ского кавалерийского полка, был в строевой учебе первым да и во внешкольной работе, как говорится, лицом в грязь никогда не ударит. А что касается до службы, то, действительно, примерным был: на службе командир, а как свободное время — так старший товарищ. За что и пользовался большим уважением среди нас, бойцов 2 эскадрона. Если же начнет что рассказывать про свои боевые похождения, то все к нему как мухи липли.

Так и сегодня, не успел старшина войти в курилку, а мы к нему: — Вот, — говорим, — товарищ старшина, сегодня политрук на политчase рассказывал о товариществе да о выручке в бою, не будет ли чего в вашей практике нам по существу рассказать.

Улыбается наш старшина: видно в самую точку попали.

— Да, есть кое-что у меня и на эту тему. Много я вам рассказывал, — начал старшина, — и про английские десанты, и про Польшу, и про Врангеля-барона, а вот, теперь расскажу я вам, ребята, про Туркестан да про басмачей, как мы с ними воевали.

— А це що за штука — басмач, товарищ старшина? — не утерпел Корниенко.

— Да не перебивай, — загалдели мы. — Сиди спокойно!

— Что за штука басмач? — переспросил старшина, — да вот погодите, сейчас все по порядку. Так вот ребята, — продолжал Молчанов, — после того, как у нас Октябрьская Революция совершилась, соседние с нами восточные народы и произвели у себя в Бухаре такую же ревизию, т. е. выгнали своего эмира бухарского, это все равно как у нас раньше царь был, и решили сами управляться. Прожили это они так в полном покое года два-три, а тут, откуда ни возьмись, переправился из Афганистана в Бухару Энвер-паша, бывший главнокомандующий турецкий, а с ним тысяч пять-шесть джигитов, это по-нашему джигит — наездник выходит. У джигитов, ясно, вооружение хорошее, английское, винтовочки за плечами поблескивают, а сами больше из эмигрантов, — это из тех, что после революции из Бухары в Афганистан бежали.

Переправился Энвер-паша в Бухару и стали это, конечно, присоединяться к нему те, кому до революции жилось хорошо. Собрал он себе армию в 16 тысяч джигитов и начал воевать за старые порядки: контрибуции накладывает, непокорные кишлаки жжет, скот у декхан¹⁾ реквизирует. Невмоготу стало бухарским декханам и решили они у нас помощи просить.

— Там, — говорят, — в России великий человек Ленин живет, к нему нужно за помощью обратиться.

В общем проходит несколько времени, получает наша дивизия приказ из Реввоенсовета — срочно грузиться в эшелоны. Погрузились и покатили, да так быстро, что только на польском фронте нас так быстро возили. Прокатили мы этак несколько тысяч верст, приезжаем в город Каган. Выгружаться стали.

Ну, там совсем другое дело, чем здесь, скажем, в Детском Селе: и люди другие и постройка. Жители все мусульмане, в цветных халатах ходят, а на голове чалму носят, а женщины так те совсем на ином положении чем у нас: лицо черной сеткой из волос закрыто и никто не имеет права, кроме мужа, открывать эту сетку; ну, теперь, конечно, как я сюда уезжал, то женщинам много свободнее стало, а то раньше, как говорится, на рабском положении были. Ну, стало быть, выгрузились, простояли в Кагане двое суток и двинулись напрямик в пески Комирек-Кум, где по сведениям нашей агентуры находился отряд басмачей Муллы-Абдул-Кахара.

Долго мы по пескам ходили. Не шутка, — в 8 суток 700 верст отмахали, да почти без воды, а жара 50 — 55 градусов. Ну все-таки на рассвете 14 сентября обнаружили Муллу-Кахара у колодца Такай-кудук. Хорошая была атака. Много ребят в ней отличилось, а в особенности наш командир полка Беседкин, он сейчас где-то на юге исполкомом заворачивает. Тот рубака был, действительно, по-буденовски рубил.

Покончили это мы с басмачеством в Западной Бухаре, постояли на отдыхе два месяца, а тут и передвинули нашу дивизию в Восточную Бухару для разгрома Ибрагим-бека, это главный курбаши был басмаческий, бывший начальник эмирских войск. Сказать по правде и храбрый курбаши был, много ему от нас и нам от него доставалось. Ну, да по порядку.

Прибыли мы, как говорится, в Восточную Бухару, выгрузились на последней станции — Карши называется, да и двинулись походным порядком в самые дебри бухарские. Здесь природа совсем другая пошла: скалы по сторонам дороги небо сверлят, а на скалах, на вершинах, снег белеется, а дорога то по низу идет, то к самой вершине подбивается, а шириною всего аршина полтора; справа, скажем, скала стеною стоит, а слева обрыв сажен на 200 — 300, по низу горный поток гудит — даже смотреть вниз противно. Прошли мы этак походным порядком верст 300 и прибыли к месту назначения в г. Юрчи.

Ну, какой это город! Так, название одно: кибитки такие из глины понастроены, заборы глиняные кругом

¹⁾ Декхан — крестьянин.

кибитки стоят, по улицам арыки бегут, а за кибитками хлопковые поля да сады под самые горы подходят. В этом городе и расположились.

Только успели со Штадивом связь наладить, приказ получаем: оккупировать полком Присурханскую долину и Баба-тагские горы. Оккупировать, товарищи, значит занять гарнизонами важные населенные пункты для закрепления за собой данного района. А чтоб возможно скорее ликвидировать нам басмачество, приказано было выделить летучие отряды. Так наш новый командир полка Симонов и распорядился. Два эскадрона по гарнизонам поставил, а из остальных летучие отряды сформировал. Случилось нашему эскадрону в летучем отряде оказаться... А пулеметный эскадрон гарнизоном стал в горах Баба-тагских. Паршивое это было место, одни скалы, а кишлак, где гарнизон расположился, носил название Кара - ягача. Это если перевести, то «черное, горькое дерево» выходит, а название потому такое странное, что на окраине кишлака росло одно единственное дерево черное, а из-под корней его бил ключ горькой воды. Воду эту пили только лошади и то неохотно, а питьевую возили мусульмане на ишаках из-за перевала. Паршивое было место.

Ну стало быть после формирования выступил наш летучий отряд в ту же ночь в район Сурханской долины. Особенных приключений здесь не было, вот только переправы через реки нас здорово заедали. В Бухаре реки не нашим чета: течение быстрое да такое сильное, что камни по несколько пудов в своем беге катит, а дно такое, что чуть с переправы сбился — конец: коня и всадника понесло. Походили мы этак недельки две по Сурханской долине, столкнулись два раза с небольшими отрядами басмачей, да и остановились на отдых в большом кишлаке Джан-Чека. Надо вам сказать, товарищи, что большинство населения оказывало нам всемерную помощь; так и здесь, только мы расположились на отдых, является аксакал, это по нашему предсельсовета выходит, и с ним еще какой-то, по внешнему виду пастух горный, и прямо к нашему командиру. Так и так докладывают. Прибыл из-за реки Вакша Ибрагим-бек в Баба-тагские горы и формирует в один отряд все басмаческие шайки. Всего джигитов более 2.000 соберется и имеет Ибрагим намерение дать решительный бой нашим, а прежде всего уничтожить гарнизоны. Ну тут, конечно, командир донесение написал и аксакалу его отдал, чтобы тот переслал его в штаб полка немедленно.

Ну, а вечером плова наварили, наелись ребята, покуривают, а у коней клевер на зубах хрустит. Ночь это такая бухарская, голубая на землю спустилась, арыки журчат и только мерные шаги зорко бодрствующих патрулей нарушают сонную тишину, да где-то далеко у подножия гор гулко воют шакалы. Мне что-то не спалось, и вдруг слышу со стороны гор, будто кто-то галопом скачет. Приподнялся на локте, вижу, всадник все ближе и ближе прямо на нас прет. Ну тут его патрули задержали. Кто такой, спрашивают. А он знай по своему лопочет: «Яман, яман Ибрагим гумузом кильды гарнизон, яман кизыл-аскет буладе».

Ну, я сразу же понял, что какая-то опасность угрожает гарнизону. Скорей переводчика и веду бывшего к командиру. Там быстро все выяснилось. Оказывается, уже сутки, как наш гарнизон в горах

окружен басмачами и пятьдесят пять наших кавалеристов отбиваются от двух тысяч басмачей. Ну тут командир трубача и тревогу. В пять минут построились. Быстро командир объяснил задачу, а я гляжу и от удовольствия посмеиваюсь — у всех моих ребят на лицах одно желание: выручить своих ребят и дать перцу басмачам. А в это время, как потом оказалось, происходило в гарнизоне следующее.

Со вчерашнего утра еще заметил наблюдатель какие-то колонны, поднимающиеся с долины реки Кафирнигана на Баба-Тагский хребет. Так как о басмачах сведений никаких не было, то и решил командир, что это стадо овец с водопоя поднимается. Но к полудню оказалось иначе. Летит это

наблюдатель со своей вышки прямо к командиру.

«Товарищ командир, — докладывает, — тысячи две басмачей идут в атаку на кишлак». А тут и верно, крик такой в горах поднялся, «ура» как будто кричат и пылью небо закрывается. Мигом это командир на вышку и приказание отдает: «Воинов», — кричит, — «давайте сюда Максим». А Воинов лихой пулеметчик был, первым в нашей бригаде считался. А тем временем остальные бойцы за дувалами расположились, пулеметы расставили. Ждут команды. А басмачи все ближе и ближе. Земля гудит под галопом тысячи конских копыт. Тут командир «огонь» скомандовал. Ну, здесь такого перцу басмачам дали, что ментально весь пыл сбили. Спешились басмачи и повели правильную осаду. До самой ночи дрались. А потом подсчитали мы свои потери да оставшиеся патроны, и решил командир, что необходимо полку дать знать. Но на сообщение местных горных жителей надежды было мало, потому-что принадлежали они

к баям и к нам относились враждебно. Нужно было послать кого-нибудь из красноармейцев, но кого? Пришлось задуматься. Видят наши ребята, что дело плохо, — и суток еще одних не продержаться. Вдруг подходит это к нашему командиру красноармеец Куликов и говорит: «Разрешите мне, товарищ командир, сегодня ночью сквозь кольцо басмаческое прорваться, вернее, прикажите мне отбыть в штаб полка с донесением»!

— Отлично, — говорит командир, — товарищ Куликов! Побольше бы у меня таких бойцов было, седлайте моего коня, вот возьмите маузер и в штаб полка донесение представьте.

Ну, тут наши вылазку устроили и насколько можно с боем проводили Куликова. А Куликов шпоры в бок, к шее коня пригнулся и вихрем двинул в сторону долины. Только слышит сзади погоня. Кто-то «тохта» кричит. «Конь не выдаст», — думает Куликов, — отдал свободно повод, а пропасти да яры под ногами так и мелькают. Только видно и у погони кони хорошие, да еще более втянутые. Вот и первая пуля пропела. Вынул это Куликов маузер командирский да и пустил очередь в сторону погони. А сам уже в долину спускается. Вот и река. Но брода искать некогда. Была не была, — подумал Куликов, и, дав шпоры, бросился с конем в быстрый Сурухан. Быстро был Куликов на середине реки, а тем временем погоня, подскавав к реке, закружилась на одном месте.

«Врете, черти, перцу не хватит!» — думал Куликов, помогая коню бороться с быстрым течением. Вокруг него защелкали пули, но сумрак ночи мешал попасть в цель. А вот и берег. Взобравшись на него, тронулся рысью, прошел уже версты три, как увидел впереди себя нескольких всадников, двигавшихся ему навстречу. Быстро свернул в камыш и вынул из кобуры маузер. Но вдруг услышал русский разговор.

«Слышь, Хапко, командир говорил, что наши уже более суток окружены, а басмачей раз в двадцать больше. Только бы не опоздать и выручить ребят из беды».

«Свои!» подумал Куликов и быстро выскочил из камыша.

— Стой! Кто едет? — крикнул дозорный.

— Свой... Куликов... некогда... где командир?

— А вон в колонне, — ответил дозорный. — А ты как попал сюда, Куликов?

Но тот ничего не ответил, — он уже подле командира был и обстоятельно докладывал ему о положении осажденных. До рассвета оставалось два часа, а до гарнизона 25 верст. Нужно было двигаться быстро. И летучий отряд оправдал свое назначение. Подойдя к реке и разомкнувшись, всадники без брода ринулись в Сурухан. Через несколько минут отряд двинулся рысью в сторону гор Баба-Тага. Между тем в гарнизоне басмачи яростно готовились к атаке. Пользуясь ночной темнотой, они подползли ко двору мечети, где укрепились осажденные, и группировались за дувалами. Начало рассветать. Подтянув своих джигитов к мечети, Ибрагим-бек издал протяжный, гортанный клич:

— Алла!

— Алла!.. — подхватили джигиты и лавиной бросились на дувалы.

Осажденные встретили их беглым огнем, но под натиском сотен человеческих тел дувал зашатался и в одном месте рухнул придавив собою двух пулеметчиков. Басмачи хлынули во двор мечети. Оставшимся в живых осажденным пришлось забаррикади-

роваться в мечети. Лошади гарнизона оказались трофеем противника. Басмачи, упоенные первой победой, яростно набросились на дверь мечети, но сейчас же с диким воем отскочили от нее: наши открыли огонь из пробитых в стенах мечети бойниц.

— Зажечь крышу мечети! — приказал Ибрагим-бек. Несколько джигитов с проворством кошки забрались на крышу, но часть их сейчас же скатилась обратно. Их вымел отсюда пулеметчик. Но одному из оставшихся в живых басмачей удалось все же зажечь спичку и высушенная солнцем солома весело запылала.

И в это-то время громовое «ура» раскатилось по кишлаку Кара-ягач-ачику и летучий отряд буденовцев

врубился в дикого противника. В воздухе запестрели яркою радугою разноцветные басмаческие чалмы.

— Урра!!! — гремело с другого конца кишлака, — это один из туркестанских полков подошел на выстрелы...

Басмачи в панике отступали в сторону Кафирнигана... Осажденные были спасены...

Старшина выколотил трубку, сплюнул и убрал ее в карман.

— А как же Куликов? — спросил кто-то.

— А Куликов, — старшина обвел нас быстрым взглядом, — Куликов получил Орден Красного Знамени и в настоящее время предсельсовета в своем селе в Самарской губ. Связь с полком держит.

На дворе заиграл трубач.

— Становись на занятия! — зычно скомандовал старшина.

Под впечатлением рассказа о лихих подвигах буденовцев в далеком Туркестане мы построились быстро.

г. Себеж.

6/III 1927 г.

А. Листовский.

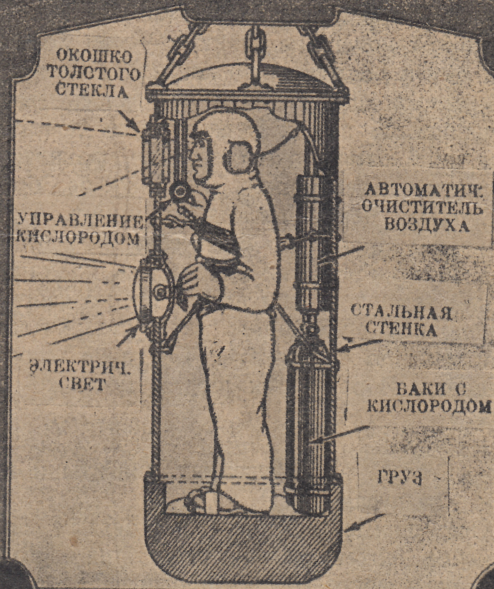

ИЗУЧЕНИЕ ГЛУБИН ОКЕАНА

ЗНАМЕНИТЫЙ ученый и исследователь Вильям Бийб, который недавно заинтересовал весь мир своими исследованиями Сарагосского моря на специальном судне «Арктурус», теперь готовится к новой работе, а именно, к изучению глубин океана.

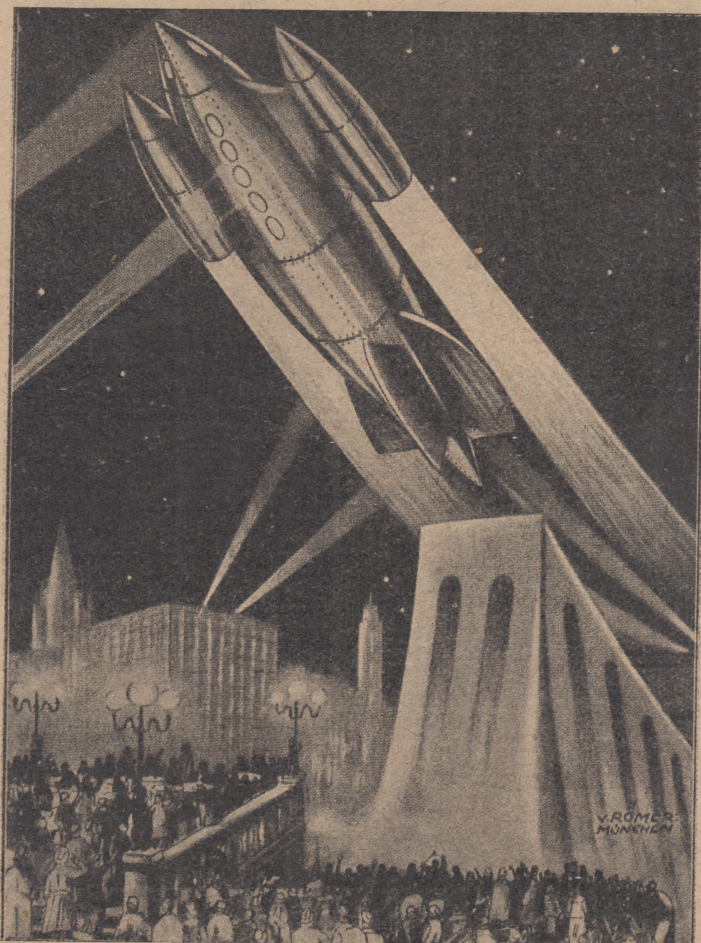
Каждому должно быть понятно, что на глубине в несколько километров, где царит полный мрак, должно найтись чрезвычайно много интересного и совершенно неведомого для науки. Вильям Бийб придумал водолазный аппарат, который дает возможность человеку, спущенному с судна, делать снимки с окружающей его среды и оставаться подолгу под водой, не будучи зависимым от самого судна.

Аппарат Бийба представляет собою стальной цилиндр, со стенками толщиной в полдюйма. Спереди — сильный фонарь, излучающий яркий свет (от электрической батареи). Сверху — окошечко для наблюдения и производства снимков. Непосредственно под окошечком, на уровне плеча водолаза, рычажки для регулирования количества кислорода, которым водолаз время от времени пополняет воздух, очищаемый автоматически при помощи приспособления, расположенного у задней стенки цилиндра. Позади снизу — сосуд с запасом кислорода, а днище цилиндра представляет собою груз, благодаря которому он может спуститься на большую глубину, успешно преодолевая огромное давление.

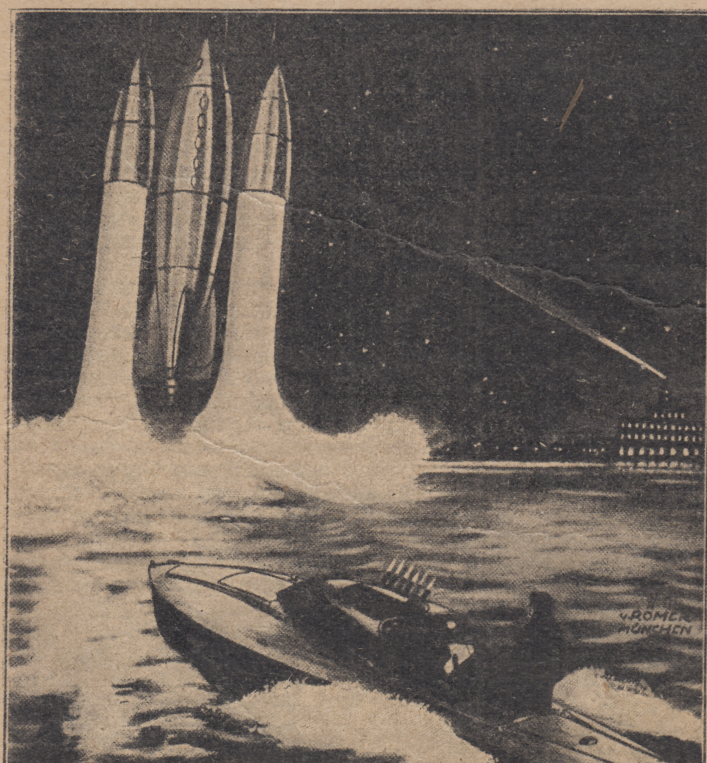
В РАКЕТЕ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Отправление в путешествие на корабле, который благодаря отсутствию воздушного сопротивления и земного притяжения, достигнет скорости 800 килом. в час.
(„Sphere“).

К звездам! Другой тип корабля-ракеты, предназначенный к полету через Атлантический океан.
(„Sphere“).

Выталкиваемые из ракет газы сообщают умопомрачительную скорость кораблю, отправляющемуся в свое путешествие с воды.

О путешествии на луну в ракете идут не только одни разговоры, но ставятся и некоторые предварительные опыты. Мечты романистов-утопистов, повидимому, осуществляются и, согласно последним газетным сообщениям, этим летом предстоит полет в ракете молодого австрийского авиатора-астронома Макса Вальера.

Первый шаг к завоеванию пространства, — говорит этот смельчак — должен заключаться в путешествии с одной части земного шара на другую не в воздухе, а выше воздуха, т. е. на высоте 300 километров, где уже отсутствует воздушная атмосфера. На такой высоте сила земного притяжения будет почти не чувствоваться, а потому — учитывая здесь и отсутствие сопротивления — движущимся телом легко может быть достигнута скорость до 800 километров в час.

Каков же должен быть новый «безвоздушный» корабль, подходящий для такого рода «безвоздушного» путешествия?

«Корабль-ракета!» — отвечает наш молодой авиатор-астроном. Особые ракеты в крыльях этого нового корабля приведут его в движение в безвоздушном пространстве. Пассажиры же должны будут находиться в герметически закрытых каютах, искусственно нагреваемых и вентилируемых.

Этим летом Вальер будет летать на обычном аэроплане, но только с движущимися его ракетами в крыльях. А дальше, вплоть до луны.

МАКС ВАЛЬЕР.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА КЭТЛЬ

Рассказ К. ХАЙН.

Рисунки Г. Фитингофа.

Где и когда?

Тяжелая, грозовая туча нависла в 1898 г. над Кубой, большим островом, расположенным к юго-востоку от Соединенных Штатов Америки. Уже много лет здесь шла затяжная партизанская война между испанцами, которым принадлежал остров Куба, и озлобленным местным населением. Испано-индейские потомки, вест-индские негры, мулаты, окончательно выбились из колеи благодаря испанскому чиновничеству, которое привыкло сидеть сложа руки и властвовать.

Богатый остров, мировой поставщик табаку и сахару, совершенно обнищал под упадочной испанской властью и стонал под бременем непосильных налогов. Голодовка шла за голодовкой. В течение ряда лет господствовала самая горькая нужда. Всюду поднимался ропот, а затем туземцы начали убегать в леса и создавать здесь повстанческие отряды. Так началась партизанская война, которая обеими сторонами велась с дикой жестокостью.

Американцы в Соединенных Штатах явно сочувствовали национальному движению среди туземного населения Кубы. А тут произошел еще один случай, который основательно испортил кровь предприимчивым янки. Отряд американцев-добровольцев решил встать в ряды повстанцев и отправился с этой целью в Кубу на шкуне «Виргиния». Испанская канонерка захватила шкуну, и ровно через 24 часа раздались выстрелы испанского звзда, который и отправил добровольцев на тот свет. Американцы завопили от негодования, но испанцы юридически были правы: туземные партизаны не считались воюющей стороной, а злостными бунтовщиками против законной власти. Вот почему подлежали немедленному расстрелу не только сами повстанцы, но все их пособники. Словом, международное право было за испанцев, но забыть добровольцев с «Виргинии» американцы уже не могли.

К концу 1897 г. отношения между Испанией и Соединенными Штатами особенно обострились. Американцы не могли равнодушно смотреть на разорение острова, которое производилось одинаково как повстанцами, так и усмирителями. Вашингтон настойчиво указывал Мадриду, что в табачную и сахарную промышленность Кубы вложены миллионы долларов, которым жестоко вредят постоянные смуты на острове. В ответ испанское правительство отправило на Кубу с чрезвычайными полномочиями нового генерала, чтобы окончательно покончить с повстанцами. И без того жестокая война стала принимать уже прямо зверский характер, когда в один из портов этого злосчастного острова зашел американский крейсер и... взорвался на какой-то мине. Понятно, американцы немедленно воспользовались гибелью своего военного судна и в апреле 1898 г. объявили Испании войну. Исход был заранее ясен: упадочная страна была побеждена и в том же году уступила остров американскому капиталу, который входил во вкус империалистических предприятий.

Настоящий рассказ относится как раз к последнему периоду жестокой схватки между испанцами и партизанами. Американцы еще не вступили в открытую вооруженную борьбу, но они уже вмешались в игру своими деньгами. За всеми контрабандными доставками оружия повстанцам обычно стоял широко раскрытый американский кошелек.

Такова была международная обстановка. А что видим мы во внутренней жизни тогдашней Европы и Америки? Здесь достаточно упомянуть только, что в те времена даже слышали о социализме немногие, а для тех, кто слышал это слово, оно являлось каким-то страшным жупелом. Конечно, были и тогда уже социалисты, но и для них теория классовой борьбы и конечной победы рабочего класса

была еще одной только теорией, далекой от приложения к действительной жизни.

Характерен в этом отношении и герой настоящего рассказа, капитан Кэтль. Если даже в наше время английские капитаны отличаются своим равнодушием к социальным вопросам, то в те далекие от нас времена этих вопросов просто не существовало не только для капитанов, но и для судовых команд. Капитан — представитель хозяйских интересов и его прямая обязанность — оберегать эти интересы всеми способами и путями. Он не замечает, что его жмет и сосет судовладелец, как не видит и того, что сам он выжимает все силы из своей команды. Ведь ему самому, как и всей команде, платят то жалованье, за которое они согласились работать! Ведь никого силком на борт судна не тянули, а раз нанялись добровольно, то дело капитана отдавать распоряжения, которые команда должна беспрекословно исполнять. Словом, капиталистические отношения казались естественным и навеки нерушимым механизмом: раз тебе платят, сиди и не рыпайся, делай то, что тебе приказывают. Так на занимательной приключенческой канве рассказов о капитане Кэтле выступают любопытные бытовые узоры давно исчезнувших времен и людских характеров. А интерес к прошлому всегда жив и крепок в человеческой душе.

Оружие для Кубы.

«Все дела на берегу, сэр, — сказал капитан Кэтль, — должны лежать на вас. Они связаны с законом о вербовке команды для заграничного плавания, как это было в деле с «Алабамой»; тут разом проявляется целая дюжина всевозможных законов, говорящих либо о тюрьме, либо о конфискации, а моя голова не настолько велика, чтобы вместить всю эту мудрость. Я посоветовал бы вам, м-р Гедж, пригласить к себе какого-нибудь толкового юриста, угостить его как следует, заплатить ему основательно и пусть он точно ознакомит вас со всеми юридическими закорючками, прежде чем вы приметесь за это дело».

«Наши английские законы в общем — скверная штука, если только судьба заставит столкнуться с ними» — продолжал капитан с глубоким вздохом, очевидно, вызванным каким-то печальным воспоминанием.

«Закон вмешивается решительно во все, даже в дела совсем его не касающиеся, а потому и не знаешь никогда, когда он выпустит свои когти. Нет, м-р Гедж, в этом отношении Соединенные Штаты — единственные. Их законы крайне уютны и удобны. Имей денгежки, умей сносно стрелять и ты человек».

М-р Гедж, совсем еще молодой человек, был владельцем парохода «Султан Борнео». «Ближе к делу, Кэтль, — сказал он, нетерпеливо постукивая по столу. — Мы сейчас в Англии и американские удобства нам ни к чему. Вашего совета мне не нужно, я сам не дурак и знаю, что мне надо делать. Договор у меня в порядке, теперь надо действовать».

«Выяснить бы предварительно» — последовал нерешительный совет.

«Уж и так все достаточно ясно. «Султан Борнео» пойдет отсюда с углем в Гаванну. В открытом море его встретит частная яхта, с которой он и примет на свой борт оружие. Вот и все».

«Уголь Нью-Кэстля, для Кубы? Гм... Туда идет уголь только из Норфолька, Виргинии или, в крайнем случае, из Кардифа и Нью-Порта».

«Это не имеет значения. Контракт на перевозку угля был заключен еще задолго до того, как понадобился пароход для доставки оружия».

«Н-д-да! Дельце как будто щекотливое и даже очень!»

«Это уже не моя вина — сердито возразил Гедж. — Говорю вам самую правду и я не виноват, что эта правда выглядит очень неправдиво, к сожалению, это всегда так случается. Ну, имеются у вас еще какие-нибудь возражения?»

«Нет, сэр, по крайней мере, в данный момент».

«Отлично! Итак, принимаете вы на себя командование парохомом или отказываетесь от него?»

«Если я попадусь — меня вздернут» — пробормотал Кэтль.

«Ничего подобного! Этого они сделать не посмеют. Британский консул как-нибудь выгородил бы вас. Из-за простой контрабанды на Кубе не станут вешать англичанина. Кроме того, за риск вы получите прибавку, вместо двенадцати фунтов в месяц я даю четырнадцать. Как только вы доберетесь до места, все будет уже готово, чтобы встретить вас и принять оружие. Затем, вы направитесь в Гаванну и спокойно сбудете там уголь, как будто ничего не произошло. И если эта задача будет вами удачно решена, вы получите добавочно еще десять фунтов награды. Я все сказал, капитан, решайтесь же. Идете вы или нет?»

«Я иду — ответил Кэтль мрачно. — Я человек бедный, у меня жена и дети, а потому я должен брать все, что мне попадется. Но этот ваш уголь я никак не могу переварить. Конечно, я верю тому, что вы мне рассказали о контракте, но в общем вся эта афера выглядит весьма подозрительно. Смотрите, сэр, на угле мы споткнемся и тогда скандалу не оберешься».

«А ведь ко всякому скандалу вы питаете, конечно, непреодолимое отвращение? — хитро спросил Гедж».

«Вы не подденте меня этим, м-р Гедж, — отвечал Кэтль. — Я сам знаю, что могу быть грубым задирой. Борьба с командой мне так же необходима, как еда и питье; это и огорчает меня и стыдит. Я горько упрекаю себя, как только попадаю сюда в Саус-Шильдс и слышу как в церкви наш пастор красиво и поэтично говорит о мире, зеленых нивах, золотых арфах и т. д. Вы понимаете...»

«Да, да, все это прекрасно! — сказал Гедж. — Я знаю вашу чувствительность к поэзии, капитан. Но сейчас я принужден отказаться от удовольствия говорить об этом. Мое время теперь не для разговоров о несомненном красноречии вашего превосходного пастора или о ваших собственных поэтических успехах. Я страшно занят. Угодно сигару? Сейчас вы поставите людей к угольным воронкам и ровно в два часа начнете нагрузку парохода. В шесть часов я буду на борту и увижусь с вами. Всего лучшего!» И нажав кнопку электрического звонка, м-р Гедж принялся диктовать своей машинистке какие-то письма, хотя капитан Кэтль еще и не ушел из конторы.

Спустившись по темным лестницам, маленький моряк направился к набережной довольно грязной речонки Тайн. В углу его рта косо торчала незажженная сигара. Сердито покусывая ее, он внутренне проклинал свою злую судьбу. Почему же именно к нему она всегда так несправедлива, что заставляет идти на подобные отчаянные сделки? Страсть к захватывающим приключениям была его врожденным качеством и, будь он холостяком, он обеими руками хватался бы и не за такие еще предложения. Но как муж миссис Кэтль и отец ее детей, он вздрагивал от ужаса, заглядывая в будущее.

На первое время его семья была обеспечена. Половина его месячного жалованья, семь фунтов стерлингов, вполне помогла бы его жене вырастить детей. Но если его сдадут теперь какое-нибудь испанское военное судно и найдет у него в трюме оружие, если его расстреляют или повесят или вообще какими-нибудь способами помешают ему зарабатывать средства для семьи, то куда тогда денется миссис Кэтль? Разве Гедж придет ей на помощь? Он вынул сигару изо рта и презрительно сплюнул.

Моральная сторона этого предприятия ни на грош его не волновала. Испанское правительство и кубинские повстанцы были для него ничем иным, как двумя конкурирующими фирмами. Кто больше платил, с тем и заключалось условие. Дурное или хорошее качество этого поступка, так же как и самый риск, совершенно его не занимали. Это было исключительно частное дело между м-р Гедж и богом. Сам он, Овен Кэтль, был столь же мало ответственным за свои поступки орудием, как и его «Султан Борнео». Как капитан, он должен был служить интересам нанявшего его судовладельца, а свои личные, хотя бы и прекрасные соображения он должен в этом случае просто спрятать в карман

Шествуя по разным улицам и переулкам, покрытым только черным слоем угольной пыли, капитан Кэтль продолжал грызть свою сигару и сетовать на свою судьбу. Но едва он вошел в док, как с ним произошла резкая перемена. Он бросил сигару, крепко сжал губы и оставил все свои личные размышления за входными воротами. Начиная с этой минуты его мозг был занят единственно интересами м-ра Геджа. Своим прославленным острым язы-

ком он всегда заставлял грузчиков удваивать их и без того тяжелое напряжение.

Не прошло и минуты, что он находился в доке, а работа на «Султане Борнео» пошла уже полным ходом. Натягивались стальные канаты и подтягивали парохом под растопыренные угольные ковши. Ровно через полчаса в разверстые люки с грохотом сбрасывались едва успевающие подкатываться грязные вагонетки.

Угольная пыль нависла в воздухе, набивалась в каждую щель и растягивалась зыбкою тиной на поверхности воды. Грузчики из страха перед капитаном Кэтль работали с таким усердием, как будто им за это была обещана особая награда. И каковы бы ни были его недостатки, но с точки зрения судовладельцев этот маленький, рыжебородый моряк был решительно лучшим из капитанов. Никто не умел так использовать своих людей, как это делал этот капитан с энергичной острой бородкой. Правда, другие недостатки мешали его карьере, а потому он и остался тем достойным жалости случайным капитаном, которые живут только сегодняшним днем и никогда не уверены, будут ли они еще через месяц вести только-что доверенное им судно.

В полдень капитан Кэтль набрал команду и с помощью своих двух рулевых очень скоро привел большую половину из них в трезвое состояние. В шесть часов м-р Гедж передал ему все необходимые инструкции. К вечеру он побывал в таможне, получил свои бумаги и теперь, стоя на мостике, внимательно наблюдал за лоцманом, который вел судно вниз по течению, лавируя между пароходами. На берегу стояла миссис Кэтль и, освещенная электрическим фонарем, посылала свои прощальные приветствия пароходу.

Когда в устье реки капитан высапил лоцмана, ему впервые пришлось изрядно перетрусить. Неожиданно из ночного мрака вынырнул паровой катер военного корабля. На палубе «Султана Борнео» появился офицер, велел предъявить бумаги, задавая всевозможные вопросы. Маленький капитан, пока у него на корабле не было военной контрабанды, разрешил себе обойтись с этим офицером весьма невежливо, почти грубо. Последний остался совершенно спокоен и сделал вид, что не замечает его придирчивого тона. Он должен был выполнить свою неприятную обязанность, внутренне сочувствуя капитану судна. Довольный удачным исходом всего дела, он сошел на свой катер и отвалил.

По уходе этого морского офицера Кэтль почувствовал сильное беспокойство. Было ясно, что «Султан Борнео» находился под подозрением. Повидимому, кто-то из команды проболтался. Сколько еще таких серьезных препятствий встретится ему на пути в Кубу. И Кэтль прибегнул к своей первой уловке, за которой последовал еще целый ряд подобных же хитростей.

Инструкция Геджа гласила: выйти из реки Тайн прямо в Северное Море и на определенном месте встретить яхту с оружием. Но он знал теперь, что и ночь для него не защита. Направляющийся в Гаванну парохом безусловно должен возбудить подозрение, если он уклоняется от обычного пути по каналу. А потому, вооружившись картой, линейкой и карандашом, капитан Кэтль провел стереотипную линию курса от Витби-Рок и Флампоро Хед. Упорно держался «Султан Борнео» этого направления, идя своим обычным ходом в девять узлов, пока, наконец, земля совершенно не скрылась из виду. Кругом не было видно ни одного корабля. Случай, как нельзя лучше, благоприятствовал тайному свиданию.

«Курс направо!» скомандовал Кэтль и, описав круг, направился в открытое море к назначенному месту встречи.

Рано утром вахтенный заметил в тумане яхту и по бурным волнам «Султан Борнео» быстро пошел ей навстречу. На расстоянии каких-нибудь ста локтей стояли оба парохода, сильно качаясь на серых и холодных волнах. Пока две больших спасательных лодки перевозили оружие на парохом, капитан Кэтль отправился на яхту, где его сейчас же пригласили в каюту и предложили обильный завтрак. Разговор все время вертелся, о кубинских повстанцах. Владелец яхты, Карифорт, только и говорил о них.

«Если только вам удастся прорвать блокаду, капитан, и удачно доставить ваши пулеметы, ружья и патроны, — сказал он, — то революция вскоре прекратится, а кубинцы поставят вам памятник. Испанские войска изурены лихорадкой, а с таким количеством оружия, какое находится сейчас на нашем «Султане», эти патриоты могут открыть пальбу по всему острову вплоть до Караибского моря. Я вообще не понимаю, почему бы им и не

выиграть. Ведь каждую неделю из Кей-Веста, Тампы и разных других портов Флориды идут туда добровольческие отряды. Еще недавно два отряда отправились из Нью-Йорка.

— Да, но дошли-ли они? — спросил Кэтль.

— Не все, это правда! — ответил Карнфорт. — Ведь у них были только шхуны, а у вас целый пароход. Кроме того, они уезжали из Штатов, где таких вещей от газет никак не скроешь, а потому и попались тотчас же на Кубе. Ваше же преимущество в том, что вы отправились из английского порта.

«В этом преимуществе я пока еще не убежден!» мрачно ответил капитан.

«На всем земном шаре нет больше такой опекуновствующей страны, как Англия. Ведь какой-нибудь янки по части наживы может делать почти все, что ему вздумается; ни один черт не вмешается. Но как только за это захочет приняться англичанин, так сейчас же со всех сторон вытягиваются куपालы наших проклятых законов, хватают его за шиворот и тащат обратно, едва он успеет выйти из гавани. Нет, м-р Карнфорт, больших благ я не жду от этого дела. Я бедный человек и четырнадцать фунтов в месяц играют для меня немалую роль. Мои опасения вполне понятны. Вот вы — другое дело. Вы достаточно богаты и для вас бы конфискация этого оружия не составила бы большого убытка.

Карнфорт усмехнулся.

«Вы считаете меня плохим дельцом, капитан! — сказал он. — Само собою разумеется, что прежде чем взяться за это дело, я потребовал деньги на бочку. За ружья и снаряды я зарабатываю пятьдесят процентов, принимая во внимание трудности хранения оружия и его тайной погрузки. Кроме того, чтобы довести сюда эту поклажу, я заключил такое условие, некоторые статьи которого, я уверен, вас удивят, ибо с этого момента я больше не участвую в игре. Но не скрою, что ваши дальнейшие приключения с такого рода грузом меня будут живо интересовать. Не угодно-ли сигару?»

«Мне кажется, — ответил горько капитан, — что вы смотрите на меня, как на зайца, который должен быть загнан для вашего удовольствия».

Владелец яхты рассмеялся. «Немного жестокое удовольствие, но в общем вы близки к истине. Для меня лично было бы даже желательно, чтобы вас поймали».

«Как так?»

«Видите-ли, мой милый капитан, если испанцы заберут это оружие, то патриоты на Кубе, само собою разумеется, потребуют другое, а я получу новый наряд. Если же вы доставите свой груз благополучно, то лишите меня надежды на вторую такую же сделку».

«Понимаю! вы выражаетесь вполне ясно и определенно».

«Не правда-ли? Какой шартрез вы предпочитаете, зеленый или желтый?»

«Ну-с, а что думает об этом м-р Гедж? Может быть вам известно и его мнение».

«О, Гедж также знает, как надо выйти сухим из воды. Своего «Султана» он застраховал в нескольких обществах против всяких случайностей и настолько высоко, что в случае его утраты он получит двойную цену. Уверю вас, что он даже как следует и сам не знает, не лучше-ли вам напороться на какой-нибудь испанский крейсер».

Капитан Кэтль поднялся, взял свою фуражку и заломил ее несколько на бекрень.

«Отлично! — сказал он. — Значит таково ваше понимание дела. Теперь будьте любезны выслушать и мое мнение. Этот груз пройдет и патриоты, или бунтовщики, или еще черт знает кто они такие, получают свое оружие, хотя

бы половина испанского флота взялась мне помешать в этом. Вы и м-р Гедж заранее обеспечили себя. Я человек, с которым ребенок сумеет справиться, если он будет откровенен, но сделать из себя дурацкую марионетку я не разрешу, хотя бы за шнурки дергали сама английская королева вместе с германским императором».

«Но дорогой капитан — попробовал его успокоить Карнфорт — не выходите же так из себя. Ведь у нас все по хорошему!»

«С вами мне говорить не о чем, ведь мой хозяин не считал нужным поверить мне свои планы».

«Вот человек! Не будьте дураком. Вы пренебрегаете своей собственной выгодой!»

«Я знаю это! — отвечал Кэтль злобно. — Я знаю, что я дурак, знаю это всю свою жизнь. Если бы я не был им, я не находился бы в таком двусмысленном обществе, как это происходит в настоящую минуту».

«Однако, послушайте, колючий еж! Если вы будете оскорблять меня, то в одну минуту вылетите из этой каюты прямо через борт в овою лодку!»

«Отлично! — ответил Кэтль, становясь в позу. — Пожалуйста, не стесняйтесь, я готов!»

Привставший из-за стола Карнфорт заметил в глазах капитана какой-то особенный не понравившийся ему огонек. Разразившись несколько принужденным смешком, он опустился обратно на софу.

«Вы довольно опасный дьяволенок!» — сказал он.

«Да я таков» — ответил Кэтль.

«Ну в таком случае, я лучше откажусь от рукопашной с вами. Никто из нас ничего от этого не выиграет, а я, как мне кажется, только потеряю. Я охотно верю, что вы прорвете блокаду, если заберете себе это в голову. И прежде чем патриоты успеют получить свое оружие, комунибудь да не поздоровится от этой истории. Чорт возьми, я хотел бы быть где-нибудь поблизости, чтобы наблюдать за вами».

«Что-ж? — Внимательная публика всегда приятна!»

«Чорт меня подери, если я не последую в путь за вами!»

«Ну уж это-то вы лучше оставьте, м-р Карнфорт! — ответил маленький моряк с слегка презрительной усмешкой. — Вы не из того сорта людей, которым хоть бы что поставить свою шкуру на карту, а утруждать себя бесполезными пассажирами я тоже не хочу».

«Ах, вот как! Эти слова решили дело — объявил Карнфорт. — Прорвать блокаду я отправляюсь вместе с вами и, если это удастся, докажу своему сварливому другу, что и я могу быть ему полезным, с условием, конечно, что до нашего прибытия туда мы не устроим друг друга».

* * *

Белый туман расстилался по каналу, сузив горизонт в маленький кружок. Свист и вой кругом всевозможных сирен и паровых гудков сливались в сплошной адский концерт. На верхнем мостике «Султана Борнео» стоял капитан Кэтль, положив правую руку на сигнальную ручку. Стрелка машинного телеграфа показывала «Полный ход назад». За капитаном стоял Карнфорт со старым вторым рулевым и внимательно следили за ходом парохода. Все трое впились глазами в висевшую перед ними сплошную туманную завесу.

Их беспокойство имело полное основание. Всего лишь несколько минут тому назад, неожиданно вынырнул из тумана длинный, узкий истребитель и подошел к ним почти вплотную.

На мостике появился офицер и резким тоном задавал вопросы, на которые и было отвечено: «Султан Борнео», ведет Кэтль, из Саус-Шильдса в Гаванну.

«Какой груз?» последовал дальнейший вопрос.

«Уголь!»

«Что?»

«Уголь!»

«Вот как! Тогда я попрошу м-ра с углем для Гаванны дать мне возможность взглянуть на него. Я пришло сейчас лодку на борт и поблизости разгляжу ваш интересный груз. Если не ошибаюсь, вы как-раз и будете тем пароходом, который я должен задержать».

В одну минуту палуба военного судна покрылась людьми. Сейчас же спустили две шлюпки с вооруженной командой; все исполнялось с чисто морской быстротой и точностью. Но именно в этот момент на «Султана Бор-

нео» напозла громадная волна тумана и покрыла его словно одеялом. На расстоянии двенадцати локтей не было видно решительно ничего. Точно спущенный с цепи охотничий пес подскочил капитан Кэтль к своему телеграфу. Взяв слегка курс вправо, он пустил пароход задним ходом и в то время, как военные шлюпки в тщетных розысках окликали белые стены тумана и двигались к французскому берегу, он медленно и бесшумно двигался к английскому побережью.

Найти его теперь было бы так же невозможно, как брошенную в стог сена иглу. Но рассеялся этот туман хотя бы на одно мгновение, он был бы сразу же замечен.

У Карнфорта тряслись колени; ему едва не сделалось дурно от волнения. К этому неожиданному происшествию он совершенно не был подготовлен. Он знал, конечно, что где-нибудь вблизи Кубы встреча с испанским кораблем для них почти неизбежна. И там, вдали от родины, вся эта история приобрела бы для него только интересный и романтический характер. Но быть схваченным здесь, в английском канале, в качестве простого контрабандиста, стремящегося к одной лишь наживе, да может быть еще на несколько лет быть осужденным за это на принудительные работы где-нибудь в английской тюрьме, — нет, с этим он примириться не мог. Карнфорт был членом парламента и, как таковой, отлично разбирался во всех этих деталях.

А капитан Кэтль думал совершенно иначе. Как только он заметил приближение военного охотника, то в один момент все его сомнения и сонливость как рукой сняло. Напряженная работа мозга действовала на этого маленького моряка подобно элексиру. Его глаза блестели, а губы еще крепче сжимались. Час спустя «Султан Борнео» шел полным ходом вниз по каналу. Расхаживая взад и вперед на своем мостике, капитан Кэтль тихонько насвистывал мотив веселенького вальса. Он был не только большим поклонником поэзии, но в свободную минутку любил и сам сочинять разные хорошенькие стишки. И вот после только что пережитого волнения у него проснулось сильное желание излить свое настроение в изящной форме сонета.

В тот же вечер на «Султане Борнео» взбунтовалась команда. Само собою разумеется, что люди давно отгадали настоящую цель этого путешествия и, собравшись у капитанского мостика, довольно робко объявили, что у следующей английской гавани они желают покинуть «Султана». У них нет никакой охоты прорывать блокаду. Капитан не смеет принуждать их к этому и т. д., и т. д.

Кэтль только этого и ждал. Вместо ответа он поднял револьвер и одним выстрелом снял маленький шарик с верхушки фок-мачты. Затем, перегнувшись через белые перила своего мостика с еще дымящимся револьвером в руках, он объявил, что очень рад с самого начала их поездки разъяснить недовольным их обязанности. Их личные желания, продолжал он дружеским тоном, несколько его не интересуют. Он здесь для того, чтобы приказывать, а все остальные, чтобы повиноваться.

«А если кто из вас откажет мне в повиновении, тому я всажу пулю в лоб. Мою меткость вы сами видели. Ну-с, а теперь марш по местам!» — Таков был конец речи, обращенной капитаном Кэтль к своим людям. Многие из матросов, правда, не вполне поняли эти проникновенные слова; ведь «Султан Борнео» был английским судном, а потому, само собою разумеется, что его команда говорила, по крайней мере, на пяти языках и только немногие способны были кое-как объясняться по-английски. Однако, расвирепешее лицо капитана, со внушительно двигающейся вверх и вниз рыжей остроконечной бородкой, так ярко выявило суть его речи, что в более подробном переводе не

было надобности. Как покорное стадо овец, они потянулись опять на нос, убедившись, что облаивший их маленький мужчина, в случае необходимости, сумеет больно уку-
сать.

«Вот в этом-то и есть преимущество винегрета из национальностей! — обратился Кэтль к Карнфорту. — Будь это англичане, по крайней мере, двух мне пришлось бы уже уложить, чтобы заставить подчиниться остальных».

«Гм!... Вот вы каковы. Я б желал теперь быть где-нибудь в другом месте, но только не в вашем обществе! — принужденно смеясь, сказал Карнфорт. — И кой чорт на самом деле дернул меня отправиться в эту экспедицию? Разве я бы не мог спокойно сидеть дома?»

«Некоторые люди никогда не знают, чего хотят! — сухо заметил капитан. — Кроме того, об этом говорить уже поздно. И кто знает, м-р Карнфорт, может быть вы еще наглядитесь здесь таких вещей, которые вам пригодятся и позднее. В одном могу вас уверить, если только вам удастся вернуться обратно, у вас найдется, что порассказать людям. В парламенте вы возбудите внимание; ведь, насколько мне известно по газетам, господа народные представители в общем всегда несут там изрядную ерунду. Но вот идет стюард доложить о чае. Отправляйтесь-ка в каюту, милый друг! Свою порцию я велю подать сюда наверх, мне еще не хочется пока сходить с мостика. Вы ведь знаете, стоит только укротителю повернуться спиной, как все звери тотчас же на него бросаются. Точно такое же здесь и мое положение; нас укокошат, если мы не будем настороже».

С этого времени весь путь для капитана Кэтля превратился в одно сплошное, непрерывное бодрствование. Однако, это еще вовсе не значило, что он больше не снимал одежды или никогда не спал. Лежал ли он в постели, сидел ли на пустом пивном ящике, приткнувшись где-нибудь за верхним мостиком, опустив на грудь свою острую бородку и закрывши усталые глаза, он был всегда один и тот же. Он всегда был готов сейчас же вскочить, сейчас же быть на своем посту.

Однажды ночью, когда, сидя на мостике, он только что приготовился вздремнуть, с темной носовой части парохода неожиданно вылетел железный шкворень и всего на один вершок просвистел мимо его головы. Но прежде, чем тот успел захлопнуть за собою двери, никогда недремлющий револьвер капитана Кэтля всадил ему в плечо пулю. В другой раз, во время сильного шторма, он непрерывно бодрствовал на своем посту сорок восемь часов. Правильно сообразив, что после такого номера каждый человек заснет, как мертвый, несколько матросов сговорились и напали на него. Но прежде, чем кто-нибудь успел хотя бы одним пальцем к нему притронуться, он вскочил на ноги и, схватив складной стул, раскроил одному челюсть, а всех остальных так обработал тем же самым оружием, что все они рады были поскорей унести свои ноги.

Постепенно, однако, вся разношерстная команда «Султана Борнео» примирилась со своей судьбой и подчинилась железному скипетру своего маленького тирана, не потому, что она начала меньше бояться испанцев, а потому, что стала больше бояться капитана Кэтля. И когда «Султан Борнео» приблизился к Кубе, то матросы предпочли из двух зол выбрать меньшее.

Со смешанными чувствами следил Карнфорт за этой борьбой капитана и его команды. Как молодой и здоровый англичанин, он обожал всякие приключения, но как хорошему дельцу ему было досадно, что его предприятие не удастся. К маленькому варвару-капитану он питал большую симпатию и при других обстоятельствах охотно помогал бы ему во всем; но с другой стороны, он понимал, что если бы команде удалось взять верх над капитаном, то не в его интересах было бы допустить «Султана Борнео» дойти до Кубы. Однако, он решил держать нейтралитет и, внутренне гордясь собою, сообщил об этом решении капитану.

Почтенный моряк согласился.

«Самое лучшее, что вы могли придумать, м-р Карнфорт! — сказал он. — Ибо мне было бы страшно неприятно, если бы я был вынужден застрелить вас. Ведь вы были так любезны найти приятными мои стихи».

В полдень, как-раз во время этого разговора, с южной стороны острова Кубы показалась скрытая бухта, в которой, по уговору, следовало сдать военную контрабанду. Вид местности точно совпадал с предположениями капитана Кэтля. Четыре часа после захода солнца «Султан Борнео» входил в назначенную ему бухту.

В ночную пору берег виднелся сперва сплошной черной линией, но постепенно земля приближалась и, наконец,

можно было разглядеть две идущих в гору дороги. Наверху виднелись деревья; внизу над водой качался молочный туман, а под ним слабо плескался прилив. Раз или два Кэтль приказал измерить глубину лотом, а затем увидел пограничные знаки, по которым должен был следовать при входе в бухту.

«Полный ход вперед!» — раздалась его команда. Боковые фонари он приказал убрать. Высоко на фок-мачте висели три красных фонаря, отмечая как бы три стороны равнобедренного треугольника. Все до сих пор сходило гладко и это приятно удивляло Кэтля.

Пароход находился уже по середине бухты. Все бинокли с мостика были направлены на берег, чтобы лучше разглядеть ответные огни. Вдруг сзади вспыхнул неожиданно ослепительный белый свет и, осветив весь пароход, так же неожиданно погас. От его нестерпимой яркости все находившиеся на «Султане Борнео» на несколько мгновений оказались совершенно ослепленными. Это был длинный световой столб. Далеко, в самом конце бухты, сверкала пылающая точка, являясь источником веерообразно разошедшихся лучей. То туда, то сюда скользил по темной поверхности воды этот сноп ослепительных лучей. Наконец, он замер на пароходе, осветив его вместе с большим куском воды, по которой тот плыл, и осветил так ярко, словно волшебный фонарь отразил на стене силуэт большого фантастического корабля.

Карнфорт принялся чертыхаться, Кэтль же закурил новую сигару. Некоторые стоявшие на палубе матросы отправились в каюту и принялись за упаковку своих вещей.

«Ну-с, м-р Карнфорт! — весело начал Кэтль. — В бухту мы вошли, но позади нас испанская канонерка и даже с прожектором, по всем требованиям современности».

Сузив глаза, он сосредоточенно уставился вперед.

«Мне кажется, эта bestия превосходит нас и в скорости узлов на пять, по крайней мере. Смотрите-ка только какое пламя пышет из труб. Они здорово нажаривают кочегарку, не правда ли? Сейчас они начнут палить, а те каналы, там на берегу, вероятно, совершенно нас позабыли. Ведь сигналов все еще нет!»

«Что думаете вы делать?» — спросил Карнфорт.

«Следуя инструкции м-ра Геджа — сдать груз на берег. Останется ли здесь и наш старый «Султан», выяснится весьма скоро».

«Если же вы пойдете с этой же скоростью, то ровно через четверть часа канонерка отрежет вам путь».

«Своими добавочными пятью узлами они могут делать с нами все, что им вздумается. Мой курс остается неизменным. Это было бы только подозрительно».

«Силы небесные! — вскричал Карнфорт. — Да, ведь, одно наше присутствие здесь выглядит достаточно подозрительным!»

Капитан Кэтль не отвечал. Его мозг усиленно работал. Этот проклятый сигнал на берегу никак не хочет появиться. Появился только сигнал, он бы уже знал, что ему делать.

А в это время испанская канонерка придвигалась все ближе и ближе. Нужно было принимать какое-нибудь решение. Грустный выбор! Если он сдастся, произойдет обыск и все винтовки, ружья и патроны будут найдены. А затем, что весьма допустимо, его повесят.

Повстанцы не были признаны «воюющей стороной», по военным же законам с пленными бунтовщиками можно не задерживаться: не засаживать и не кормить их напрасно. Испанцы имеют полное право разделаться так же коротко и с капитаном Кэтлем.

Такой же простой результат получится с другой стороны, если он откажется остановиться. В какие-нибудь десять минут своими пушками канонерка разнесет его в пух и прах. Даже отчаянный Кэтль вынужден был согласиться, что в данном случае «Султан Борнео» попал в тупик.

Правда, будь у него другая команда, он может быть и не удержался бы от искушения вогнать свой старый пароход в бок надоедливому испанцу. Но от его теперешней команды ожидать помощи было нельзя; он отлично знал, как они страстно желают его гибели. В данную минуту все они, исключая рулевого и машинистов, находились внизу и связывали в мешки и узлы свои пожитки. Карнфорт был нейтрален. Кроме его двух штурманов и трех машинистов, ему положиться было решительно не на кого. И выпуская изо рта густые клубы дыма своей сигары, он пришел к выводу, что очутился в весьма пакостном положении.

Берег попрежнему безмолвствовал, а весь в огнях испанец, совершенно готовый к бою, с командой на местах и с выдвинутыми заряженными пушками, уверенно их нагонял. С каждой секундой он становился на несколько

саженной ближе. Кэтль ясно различал стон машины. Яростно кусая огрызок своей сигары, он сжимал кулаки в бессильной злобе против загоняющего его на смерть врага.

Подъехав сбоку, канонерка замедлила ход почти до сорока оборотов, чтобы в случае стрельбы не перебросить ядра. Стоявший на мостике офицер окликнул пароход на испанском языке.

«Канонерка! — рявкнул Кэтль в ответ. — Говорите по-английски, если желаете получить вежливый ответ».

«Что это за пароход?»

«Султан Борнео», Кэтль, капитан. Иду из Шильдса».

«Куда идете?»

«В Гаванну!»

Сейчас же последовал вопрос: «А что же вы здесь делаете?»

иначе он начнет палить в нас. Вот человек! Говорю вам, игра проиграна!»

«Вы говорите проиграна! — вскричал Кэтль. — Смотрите-ка туда!» — и, вытянув руку вперед, он указал на холмы лежащего перед ними берега.

«Три огня! — заорал он. — Два сверху, один внизу в форме треугольника. Те черти там на берегу проснулись, наконец, и ждут нас, м-р Карнфорт — это их приветствие. Неужели вы думаете, я дам им теперь отнять мой груз?»

Он повернулся к стоящему у руля матросу датчанину. «Штирборт! — заревел он ему в ухо. — Круто штирборт, лупоглазый баран! Что есть силы!»

С быстротой молнии нос «Султана Борнео» круто свернул в сторону. Восемь секунд прошло, прежде, чем командир канонерки угадал маневр капитана Кэтля, но эти-то

Карнфорт быстро нашелся и прошептал капитану на ухо: «Запас свежей воды кончился и вся команда больна дизентерией. Заехали сюда, чтобы наполнить баки».

«Спасибо, м-р Карнфорт! — шепнул Кэтль. — Я не мастер врать, иначе давно сам догадался бы этим воспользоваться». — И громким голосом он повторил слова Карнфорта.

К его удивлению испанский офицер счел их возможными. На борту лодки началось совещание. Оба парохода параллельно скользили по гладкой черной поверхности бухты.

«Сильно ли у вас свирепствует дизентерия?» — раздался вновь вопрос.

Карнфорт вновь просуфлировал и еще раз повторил Кэтль его слова: «Взгляните только на мою палубу. Вся команда в койках. Всего несколько человек осталось в моем распоряжении».

Вторично принялись совещаться офицеры испанской канонерки и, конечно, прозвучал самый решающий вопрос: «Какой у вас груз, капитан?»

«Гм... Уголь!» — ответил Кэтль.

«Что? Вы везете уголь в Гаванну?»

«К сожалению!» — с горьким смехом сказал капитан.

В ту же минуту испанец резко переменял тон.

«Сию же минуту остановитесь! — приказал он. — Для обыска вашего груза я вышлю лодку и, в случае сопротивления, разнесу в щепки ваш пароход».

На мостике «Султана Борнео» Карнфорт изо всех сил старался сломить упрямство маленького моряка.

«Послушайте, сумасшедшая вы голова! — заклинал он его. — Игре пришел конец, неужели вы этого не видите? Выхода нет! Ведь не будете же вы таким дураком и пожертвуете не только собой, но и всеми нами вместе с пароходом? Пойдемте, Кэтль, звоните и приостановите машину,

восемь секунд и оказались роковыми для его судна. Испанский офицер понял в чем дело. Он принялся отдавать приказания одно за другим. Направив свое судно «круто штирборт», он дернул звонок в машинное отделение на «полный ход вперед» и приказал открыть огонь по капитанскому мостику английского судна. Но было уже поздно. Канонерка не успела достаточно быстро повернуться. Машине не удалось сделать достаточное количество оборотов, а действие ружей и пулеметов, несмотря на горячее желание стрелков и их громадную расточительность боевым материалом, благодаря их плохой меткости, не достигло цели. Пули свистали в воздухе и как град сыпались в обшивку судна. Однако, одной из них как-то удалось все-таки заблудиться и прикончить датского матроса. Кэтль моментально сам ухватился за колесо и в следующий момент острый нос «Султана Борнео» со страшным треском врезался в незабронированный бок канонерки.

Оба судна дрожали подобно двум пустым жестяным банкам, если поддать их ногой. Горячий ночной воздух наполнился таким грохотом, словно десять тысяч котельщиков взялись за один раз вклепывать свои болты. В этом страшном столкновении винты обоих судов моментально остановились. Затем на грузовом судне раздался сигнал:

«Тихий ход назад!»

«Султан Борнео» был еще в состоянии двигаться, но военное судно уже не трогалось, его машина окончательно сломалась. Сильно накренившись, оно все больше и больше садилось на правый бок, в то время, как в его

пробоину с шумом врывалась вода. В полном беспорядке матросы метались взад и вперед. Видя, что судно долго не продержится, каждый стал заботиться только о себе самом. О мести уже никто не думал. Покосившаяся палуба была сплошь усеяна брошенным оружием. Закоптелые кочегары бежали наверх, все толкали друг друга и стремились попасть в спускаемые с лихорадочной поспешностью лодки.

Таким образом ни канонерки, ни ее команды нечего было больше опасаться в данный момент.

В порыве невольного удивления Карнфорт подошел к маленькому капитану и, хлопнув его по плечу, взволнованно промолвил:

«Ну и отчаянный же вы дьявол, Кэтль. Послушайте, теперь вы можете распоряжаться мною. Нет ли у вас, кстати, какого дела для меня?»

«Боюсь, м-р Карнфорт, — отвечал капитан Кэтль, — что на нашем старом «Султане Борнео» больше уже ничего делать не придется. Смотрите, он и голову повесил. Кроме того, видели ли вы как живенько выскочили те там, на берегу, едва только мы поддали этого бедного испанца. Точно крысы, уверяю вас. Я убежден, что это был хорошенький сюрприз для них».

«Да, — согласился Карнфорт, — все это так, но и наш «Султанчик» начинает тонуть и довольно энергично».

«Правильно! — заметил Кэтль. — Вероятно, пробита вся обивка, но все-таки наш старый ящик держал себя отлично. Я обошелся с ним, правда, не особенно нежно, да он и не создан к тому же для таких наскоков».

«Ну-с, а теперь вы решили посадить его на мель?»

«Мне больше не остается ничего другого! — вздохнул Кэтль. — С каким бы удовольствием довез я этот проклятый уголь в Гаванну, но старина уже кончает свое существование; лишь бы успеть с сухой палубой добраться до берега. Счастье, что берег здесь не крутой, не то бы...»

Сильный удар потряс весь пароход. Раздался треск и на одно мгновение судно остановилось; вдоль его порывшей обивки прокатилась кудрявая волна прибоя. Приподнявшись, пароход еще протаялся некоторое расстояние с продолжавшим еще вертеться винтом. То грузно оседая, то опять поднимаясь, подталкиваемый приливом, шел умирающий «Султан Борнео» к берегу.

С восходом солнца судно лежало уже на самом берегу и на его палубе работало более сотни рук. Кубинские повстанцы поднимались и опускались на борт по висевшим у бортов судна канатам. Это были люди всевозможной окраски, начиная с серо-черного негра и кончая желтоватобледным испанцем. Покровые ранами, тощие как скелеты и почти все босые или чуть покрытые лохмотьями.

Окружив его, они принялись отчаянно жестикулировать и кричать, что синьор английский капитан был спасителем Кубы, героем дня. Без всякой помощи, своим невооруженным судном удалось ему потопить канонерку ненавистных испанцев. Громко крича, они упрашивали его остаться с ними на острове. Он должен быть их генералом; под его командой им скоро бы удалось окончательно изгнать испанцев.

— Что вы об этом думаете, м-р Карнфорт? — спросил Кэтль. — Должен сознаться, что это хотя и лестное предложение, но принять его мне что-то не хочется...

«Но ведь нас расстреляют испанцы, как только мы попадемся в их руки — перебил его Карнфорт. — Выберите из двух зол меньшее, капитан, а при первой же возможности постарайтесь удрать отсюда».

«Это верно! Ведь с канонерки спаслись почти все испанцы, которые неминуемо вновь заявятся сюда, уже с оружием и подмогой. — Кабаллеро, я принимаю ваше предложение. А теперь вперед к работе. Долой люки, груз вон. Стоило не малых усилий довести вам это оружие. Теперь уж дело за вами доставить его как следует на берег».

Громадного роста мулат, который до сих пор был неограниченным диктатором, вначале косился на подобное укорачивание своей власти, но потом быстро завоевал себе место переводчика и адъютанта. Своего нового предводителя инсургенты слушались на слово и уже к полудню некоторое оружие и ящики с патронами были доставлены на берег.

В трехстах шагах от берега, защищенная от него густой зарослью джунглей, лежала совершенно уничтоженная сахарная плантация. Из строений здесь сохранились одни лишь белые закопченные дымом стены дома. Кэтль приказал здесь разбить бивуак и окружил его сторожевой цепью. До наступления темноты все, что не было припаяно или прибито, было удалено с парохода; лодки вытащены на берег, а запасы воды и провианта доставлены в лагерь. Затем состоялось военное совещание. Было ясно, что каждую минуту можно было ожидать нападения испанцев. Нападение последует, вероятно, со стороны суши, а потому Кэтль предложил в этом направлении выставить сторожевой пост. Мулат и Карнфорт с ним согласились.

Маленький капитан издавна считал своей главной обязанностью держать лодки всегда в полной исправности. Теперь эта заботливость ему пригодилась. В самой большой лодке «Султана Борнео» находились мачты, паруса, компас, консервы и добрый запас воды и других необходимых принадлежностей плавания. В течение дня Кэтлю удалось незаметно добавить туда еще кое-что из запасов «Султана». Чтобы не возбудить подозрения, он решил провести еще одну ночь в лагере, но с наступлением дня использовать ветер, дующий в это время с суши, и уйти в море.

Вскоре весь лагерь, за исключением сторожевых постов, погрузился в глубокий сон. Оба наши авантюриста развели себе маленький костер несколько поодаль, чтобы хоть как-нибудь отогнать moskitov. Карнфорт задремал, а Кэтль задумчиво наблюдал игру светляков в черной гуще леса. Ни один листик не колыбался. Ночь была знойная. Наконец, около четырех часов утра повеял долгожданный сухопутный бриз. В тот же момент прозвучал сигнальный рожок и вслед за этим раздалось несколько выстрелов.

«Испанцы! — вскричал Кэтль. — Вперед, Карнфорт, бежим!»

Десять минут спустя они уже сдвинули лодку на воду, укрепили мачту и направились в открытое море, в то время как позади их трещащая перестрелка обеих враждующих партий становилась все слабее и слабее.

«Очень жаль, — заметил Кэтль, — что испанцы не появились на полчаса позже. Я только что нашел хорошенький сюжет для стихотворения. Эти светляки на опушке леса, то вспыхивающие, то гаснущие, так удивительно походят на человеческую душу, не правда ли, м-р Карнфорт?»

«Это мне не вполне ясно».

«Да и мне в сущности тоже. Но это ничего не значит. Самое главное все-таки рифма. Сонет мой был почти готов у меня в голове. Но тут подоспели эти проклятые испанцы и помешали мне в самый разгар моего вдохновения, и вот теперь я должен все начинать опять сызнова».

Загадочная картинка

Где другой охотник?

МОСКИТ-СПАСИТЕЛЬ

Рассказ Т. ШИЛЬДСА.

Жужжавший всю прошлую ночь в моей спальне москит привел мне на память случившееся со мной двадцать лет тому назад приключение. Будучи обязан жизнью одному москиту, я питаю благодарную нежность ко всем его собратьям.

Начало моей истории произошло на серебряном Королевском руднике в Британской Колумбии. Однажды старший нашей смены накрыл Боба Кэлли, Гарри Плюммера и меня за игрой в карты в рабочие часы и тотчас же всех нас уволил.

Кэлли и Плюммер решили перебраться в Штаты, я же предпочел остаться в Британской Колумбии. Расплатившись в городе за стол и квартиру, Кэлли остался без денег. Он обратился ко мне с просьбой — не одолжу ли я ему пятьдесят долларов. Он возвратил бы их мне через месяц по почте. Я дал ему эти пятьдесят долларов, которые — как потом оказалось, к счастью для меня, — он не смог переслать мне, как было условлено.

Годом позже я очутился в Айдахо, на службе Западной бриллиантовой компании. Нас наняли для бурения разведочных скважин в старом Амазонском руднике, который, по уверениям экспертов, все еще заключал в себе обширные залежи руды. Руководитель разведки и два машиниста жили наверху, около рудника, третий же машинист и я поселились внизу, в Литль-Роке. Нам, правда, приходилось отмахивать пешком по шести миль утром и вечером. Но это нам было ниночем, так как мы оба были молоды и энергичны, — зато в городке имелся бильярд и другие развлечения.

К концу месяца меня и моего сотоварища перевели на ночную смену, и вскоре мы обнаружили, что соснуть днем в нашей гостинице было почти невозможно. Сквозь шаткие стены этого жалкого строения можно было всегда втягивать в нос запахи готовящихся на кухне кушаний и услышать все происходящее в баре.

Однажды, часов в десять утра, меня разбудила чья-то перебранка в баре. Я чувствовал себя очень усталым и усиленно пытался снова заснуть. Шум снизу, из бара, прекратился, но зато как-то забравшийся ко мне в комнату москит жужжал как лесопилка. В бешенстве вскочив, я принялся размахивать полотенцем. Жужжание смолкло и я снова улегся, но скоро москит покинул то место, куда он запрятался, и возобновил свою надоедливую песню. Повторив свою операцию с полотенцем, я нырнул обратно в постель только для того, чтобы опять выскочить из нее в погоне за изводящим насекомым. Наконец, чей-то разозленный голос из соседней комнаты заорал: «Прекратите вашу проклятую возню!».

Этот окрик, вдобавок к происшествию с москитом, окончательно вывел меня из себя, а раздражение, как известно, разгоняет всякий сон. Убедившись, что уснуть мне уже не удастся, я надел тонкую рубашку, панталоны, легкую обувь и спустился вниз.

От нечего делать я побрел по направлению к вокзалу, находившемуся в конце улицы. Пока я бесцельно гулял по платформе, подошел поезд из Спокена. Внезапно из окна одного из вагонов меня окрикнул мой старый приятель — Гарри Плюммер.

— Бэб Кэлли разыскивает тебя по всем Соединенным Штатам! — вспомнил он после первых громких приветствий. — Хочет вернуть тебе те пятьдесят долларов, что когда-то взял в долг.

— А где теперь Кэлли?

— В Валлисвиле — на Орлином руднике. Но постарайся повидаться с ним скорее, так как он собирается взять там расчет.

Прежде чем мы успели поговорить еще о чем-нибудь, поезд тронулся. На втором пути как раз стоял другой поезд, готовый отойти в Валлисвиле. На мне были только рубашка и панталоны, в кармане которых болтался всего один доллар, но сбегать в гостиницу за пиджаком и деньгами было уже некогда. После уплаты за проезд до Валлисвиле, находившегося на расстоянии пятидесяти миль от Литль-Рока, у меня осталось ровно пять центов, на которые я купил скверную сигару.

— Не стоит беспокоиться насчет денег! — рассуждал я сам с собой. — Ведь у меня их будет уйма, когда Бэб Кэлли вернет мне пятьдесят долларов.

Около двух часов дня я доехал до Валлисвиле, т.е. до бревенчатой станционной постройки с жестяной крышей. Кроме меня никто больше не высадился на этой унылой станции, весь персонал которой, повидимому, состоял из железнодорожного агента.

— С каким поездом я могу вернуться обратно в Литль-Рок? — спросил я его.

— С пятичасовым! — ответил он.

— Отлично! Я вернусь как раз во время, чтобы попасть к семи часам на ночную смену — подумал я. Окинув взглядом окружающую цепь гор, я не заметил, однако, никаких признаков рудника.

— А где же Орлиный рудник?

— Вон там, за тем холмом! — и агент указал мне на отдаленную возвышенность на горизонте.

— Да это как будто бы далеко отсюда?

— Да! Порядочный кусок пути. Считайте не меньше десяти миль, — ответил агент и снова укрылся от палящих лучей солнца внутри станции, закрыв дверь от москитов.

Я напился из колодца и зашагал к руднику. Дорога была залита солнцем. В воздухе носились полчища москитов. Тянувшаяся вдаль наезженная колея была на несколько вершков засыпана мягкой щелочной пылью. Вскоре эта пыль проникла сквозь мою тонкую одежду и стала въедаться в кожу. Мои ботинки, казалось, до краев наполнились пылью. Я тщетно искал по обеим сторонам дороги какого-нибудь ручейка или источника. Пройдя половину пути, я уже охотно готов был подарить Бэбу Кэлли эти злополучные пятьдесят долларов или же отдать их за холодный освежающий напиток.

Перевалив на противоположный склон холма, я около пяти часов добрался таки до рудника. Вернее, там находилось несколько рудников и плавильня. На некотором расстоянии от них было разбросано несколько обширных деревянных строений, вроде гостиниц, в которых помещалось две-три тысячи рудокопов. Разыскав пансионат «Орлиного рудника», я зашел в него и осведомился у молодого человека за конторкой:

— Что, Бэб Кэлли на земле или в руднике?

— Бэб Кэлли выехал отсюда сегодня утром.

— Покинул лагерь? — в отчаянии переспросил я.

— Да, сэр, он отправился на юг.

Больше было не о чем говорить. Я вышел из пансионата и побрел по лагерю, надеясь встретить хоть одно знакомое лицо. Но напрасно. Я не знал никого и меня никто не узнавал. Наверное, собственная мать с трудом признала бы меня в таком виде. Покрытый смесью пыли и пота, сожженный солнцем, я имел вид грязного молодого бродяги с сомнительной репутацией.

К заходу солнца я вернулся в «Орлиный пансионат». Я был отчаянно голоден. Но как мне было получить еду? Денег у меня не было и никто не знал, что я голоден. К тому же моя гордость встала на дыбы. Я никогда еще в жизни не «садился на мель» и ни за что не решился бы признаться в этом.

Если бы я сказал первому встречному рудокопу:

— Послушайте-ка, товарищ, я голоден и не имею денег! — он очевидно накормил и принял бы меня. Но если бы я, наоборот, объяснил ему:

— Я — достойный уважения молодой парень из Литль-Рока. Приехал сюда, чтобы получить долг с Бэба Кэлли, долг в пятьдесят долларов, но Бэб куда-то исчез! — мой собеседник отнесся бы ко мне совсем иначе.

Взглянув на меня подозрительно и холодно, он бы ответил:

— Не поможет, хобо ¹⁾! Я уже слышал эти рассказы.

Рудокопы питают предубеждение, против всяких благовидных выдумок хобо и не желают быть одураченными и «высосанными».

Около одиннадцати часов ночи я вошел в бильярдную «Орлиного пансионата», присел на скамейку и стал наблюдать за игрой. Я ничего не ел в течение шестнадцати часов и уже десять часов, как не брал в рот табак. Вскоре в комнату вошел высокий человек с проселю

*) Бродяга.

и остановился у конца бильярдного стола. Он проследил за несколькими ударами и снова вышел.

— Кто этот человек? — спросил я сидевшего рядом со мной рудокопа.

— Это хозяин.

— Как его зовут?

— Бёрк.

Я подошел к человеку за конторкой и спросил:

— Где м-р Бёрк?

— Там, внутри! — ответил он, ткнув пальцем на дверь в отдаленном углу комнаты.

Я храбро приблизился к ней и постучал.

— Войдите! — закричал кто-то изнутри. Я открыл дверь, сделал несколько шагов и остановился. Бёрк покачивался в большом кресле-качалке. Его жена и две дочери расположились вокруг него. Девушки были обе молодые и очень красивые. Я почувствовал, как кровь прилила к моему испачканному лицу и, пробормотав какое-то извинение, стал пятиться обратно.

— Что случилось, юноша? — спросил Бёрк.

— Все в порядке...

Я думал что вы одни...

— Ничего, выплевывай все! Мои дочери не съедят тебя!

Я в колебании остановился в дверях, пока его жена не предложила снова войти. Тогда я подошел к м-ру Бёрку и рассказал ему мое приключение. Он широко улыбнулся и взглянул на жену и детей, а потом на меня.

— Признайся, хобо, как часто ты пукал в ход эти враки?

— Если вы хоть на мгновение предположили, что это — враки и что я намерен и в дальнейшем выдумывать подобные, — вы ошибаетесь.

— Бьюсь об заклад, что ты припрятал свой пиджак где-нибудь поблизости, и я уверен, что ты нарочно измазал физиономию грязью.

— Думайте, что вам будет угодно! — сердито заявил я и повернулся к двери.

— Постой-ка. Чего же ты от меня хочешь?

— Я хотел получить ужин, постель и утренний завтрак. Но не в виде милостыни — я отошлю вам деньги тотчас же по возвращении в Литль-Рок.

— А чем ты уплатишь за обратный билет? — спросила м-сс Бёрк.

— О, я и пешком дойду! — беззаботно ответил я.

Бёрк встал.

— Если ты искренен — то такого независимого молодчика я давно уже не встречал. А если ты — хобо, то уж, конечно, самый худший из этого сорта людей. Ступай за мной!

Три женщины поднялись с места и с любопытством стали в дверях. А я последовал за Бёрком к конторке. Бёрк обратился к клерку, с лукавой усмешкой на своем широкооткрытом лице.

— Этот молодой джентльмен желает получить ужин, постель и утренний завтрак и обещает прислать нам деньги, когда вернется обратно в Литль-Рок.

Клерк ухмыльнулся. Женщины исподтишка засмеялись, Бёрк снова усмехнулся и ушел к себе. Никогда еще в жизни я не ощущал такого унижения.

— Пойдем со мной, хобо! — сказал клерк и провел меня в огромную столовую, где около дюжины девушек накры-

вали на стол для завтрашней утренней еды. Клерк громко заявил:

— Вот этот молодой джентльмен желает получить ужин, постель и завтрак и расплатится с хозяином, как только вернется в Литль-Рок.

Девушки захихикали. Клерк фыркнул и вышел. Я же уселся за ближайший стол. Девушки наблюдали за мной и некоторые из них обменивались дружескими замечаниями на мой счет. У меня совершенно пропал всякий аппетит.

— Чего бы ты поел, сынок? — спросила женщина с пламенно-рыжими волосами и добродушным ирландским лицом.

— Все, что вам вздумается мне принести! — отвечал я, не поднимая глаз.

Она шепнула мне, что не стоит обращать внимания на остальных, что ей самой пришлось однажды «сесть на мель» и что она хорошо понимает, что это значит. Затем она сбегала в кухню и принесла мне большой бивштекс с обычным гарниром.

Тем временем я вымыл лицо и руки. Я и сейчас не могу вспомнить вкус этой еды. Я проглатывал ее, понунив голову, чтобы не видеть глазевших на меня девушек и переживал ощущения не одного, а целых двадцати нищих.

Не успев я встать из-за стола, как передо мной очутилась одна из дочерей Бёрка и положила рядом с моей тарелкой доллар.

— Отец передает это, чтобы уплатить за проезд! — И прежде чем я смог произнести хоть слово, она выбежала из комнаты. Это было последней каплей!

Я вскочил на ноги, задыхаясь от волнения. Затем я совершил безрассудный по тогдашним обстоятельствам поступок, которым я, однако, впоследствии всегда гордился.

С развешиваемой в моей руке долларовой бумажкой я бросился в комнату хозяина.

— Очень жаль, м-р Бёрк, но я не могу занять у вас этот доллар. Я теперь сожалею, что принял от вас ужин. И, конечно, уж не воспользуюсь постелью в вашей гостинице. Я сейчас же отправляюсь в Литль-Рок. И приди туда, немедленно перешлю вам пятьдесят центов за мой ужин.

Бёрк колебался — брать ли у меня обратно этот доллар.

Тогда я положил его бумажку на стол и направился к двери.

— Ты — ирландец? — крикнул он мне вдогонку.

— Это не имеет никакого значения! — холодно кинул я ему в ответ.

— Я — тоже ирландец.

— Нет, сэр! — возразил я, полуобернувшись к нему. — Вы — не ирландец. Возможно, что вы и были им когда-то, но вы утерли основное качество ирландцев — умение накормить и приютить чужестранца!

С этими словами я покинул Бёрка и, подойдя к конторке, потребовал у клерка счет. Вся семья Бёрков появилась на пороге, а из дверей столовой выглянуло, разинув рты, несколько девушек.

— Не давать ему счета! — приказал Бёрк.

— Хорошо! Я пришлю вам завтра полдоллара. — Присев на скамью, я снял насквозь запыленные носки и надел ботинки на голые ноги.

— Подковываешься на предстоящие пятьдесят миль? — спросил Берк.

— Да. Зато мне на душе станет легче.

Я вышел из лагеря около полуночи, а через тринадцать часов, спотыкаясь, ввалился в гостиницу Литль-Рока. Последние десять миль я добрал с трудом, так как каблуки моих ботинок не выдержали и отвалились.

— Где вы были прошлой ночью? — спросил меня хозяин гостиницы, испуганно взглянув на меня.

— Я уезжал в Валлисвилль. — Он широко раскрыл глаза от изумления.

— Разве вы не слыхали, что случилось на Амазонском руднике?

— Нет. А что произошло?

— Не дождавись вас вчера вечером, начальник партии сам вместе с вашим товарищем стал на ночную смену. Оба убиты обвалом скалы.

Эта новость, увы, оказалась правдой. И не будь того москита, который поднял меня с кровати, это забавное воспоминание не было бы никогда написано.

ВИЗИТ ЛАМЫ

(Очерк из жизни бурят).

Л. Белецкий.

Широко раскинулась зеленая равнина предгорий. Несмотря на начало лета, солнце палит нестерпимо. Раскаленный воздух дрожит и струится волнами. Под бледно-голубым куполом неба царит подавляющая тишина и безжизненность.

Разбросанные кругом отдельные кости и целые скелеты животных выделяются на солнце своей белизной среди молодой, ярко-изумрудной зелени.

Налево, в фиолетовом тумане, вырисовываются уходящие в небо громады лесистых горных хребтов; направо — расправленном серебром горит поверхность Еравинских озер, за которыми тянется давно уже захиревший Читинский тракт... Кругом ни признака жизни, пустыня... Только оводносится тучами, ждет и ищет себе жертву.

Но подвигаясь дальше по вьющейся здесь и слабо обозначенной Каргинской дороге для двухколки, случайный путник наткнется не только на одинокие бурятские юрты, но и на небольшие улусы, где с диким воем встретит его стая голодных собак; но люди не любят показываться в знойное пекло, избегая неприятных встреч с овдами. Когда же солнце повернет к западу и полуденная жара начнет спадать, тогда можно изредка видеть, как от черной массы закопченных юртовых построек отделится фигура всадника с истинно библейской важностью восседающего на корове и направляющегося к соседу в гости или по делу. Голова его покрыта широченной, соломенной, конусовидной шляпой, с красной кисточкой на макушке, в зубах блестит медная монгольская трубка. С невозмутимостью типичного азиата, медленно раскачиваясь туловищем и несколько не смущаясь «скоростью» хода своего рогатого «кося», он монотонно тянет какую-то песню. Если встретится с вами, бросит свое приветствие «менду-у», окинет вас ленивым взором и поедет своей дорогой... Но иногда, правда, очень редко, здесь можно встретить всадников другого рода и вида: это когда проезжает «лама», вызванный к зажиточному больному или в семью, решившуюся пожертвовать всем своим достоинством ради дорогого больного.

Визитирует он обыкновенно в сопровождении «ассистента», — молодого, скромного, но все же прилично оде-

того парня-бурята, ученика ламы-дацана. По желтой, пышной шелковой одежде и высокой, опушенной соболем шапке, ламу можно издали узнать. Чаще всего это тучный и жирный мужчина, представляющий собой полный контраст своему сухопарому помощнику, который, однако, в будущем, когда рука судьбы поставит его на место учителя, должен будет приобрести такую же почтенную толщину.

По приезде в улус или отдельную юрту, ламу всегда встречает представитель пригласившей его семьи, и спешит принять от него лошадь. Но подобная честь ему редко ок-

азывается: лошадь принимает и привязывает вместе со своей к коновязи поспешно спешившийся «ассистент», а хозяину предоставляет лишь с низкими, раболепными поклонами провожать врач-священнослужителя в юрту и предупредительно распахнуть перед ним дверь.

Войдя в юрту, лама прежде всего творит молитву домашним богам хозяина, собранным на жертвеннике в одном из углов против двери. Этот жертвенник нечто вроде цветочной подставки с несколькими полками. Наных

красуются фотографии высших буддийских жрецов, олеографические картинки китайского производства с изображением драконов и других, более или менее страшных, божеств; здесь же и христианская богородица с младенцем на руках. Больше же всего на полках медных вазочек, наполненных водой, пшеницей, сахаром и моточками шелка. Окончив молитву, лама благословляет приложением рук к голове встречавшего его хозяина и с некоторого расстояния стонущую кучу, представляющую собой больного или больную. Затем он садится на низенькую скамейку, поставленную около костра на разостланной постели.

Теперь должно начаться угощение.

Вообще у бурят начинается оно чаепитием, по желанию, с молоком; потом ставится более или менее внушительный кувшин с аракой. Приготавливается этот напиток бурятами из молока и после двойной перегонки выходит очень крепким. На вкус арака масляниста, но приятна; Поэтому, пить ее, особенно в жаркое время, можно не без удовольствия.

Еда подается в зависимости от состояния. Лакомым блюдом считаются бублики, в наибольшем употреблении, конечно, мясо и похлебка, но в ходу также и особые «на-

циональные» блюда. Первое место среди них занимают лепешки, способные служить надежным рвотным средством для европейца. Приготавливаются они из какой-то сырообразной массы, с масляной начинкой и совершенно без соли. Мало кто в состоянии проглотить первый же им откушенный по неведению кусок, но при повторной попытке — скандал почти неизбежен. Однако, бурятами это блюдо весьма любимо. Впрочем, не приемлем для европейского вкуса и бурятский чай — крепчайшая, горькая жидкость.

Водворившись на месте, лама вынимает из-за пазухи своего шелкового халата лакированную китайскую чашку, с оправленными серебром краями и передает ее «ассистенту», который, в свою очередь, отдает ее вместе со своей хозяйину. Наполненные чашки возвращаются к ламе опять-таки через посредника. Чаепитие происходит со вздохами и придываниями, при чем каждый раз из чашки выплескивается несколько жертвенных каплей в огонь.

Сам хозяин, в знак уважения к высокому посетителю, чай не пьет и занимается только наполнением чашек.

После восьми — девяти чашек, обливающийся потом жирный лама уже не протягивает порожней чашки своему помощнику, а оставляет у себя на коленях. Затем делает глубокий вздох до крайности измученного человека, отряхивает несколько раз (в знак довольства), говорит «барихты» на усиленное упрашивание хозяина и, вылизав для чистоты отслужившую посудину, водворяет ее на место за пазухой.

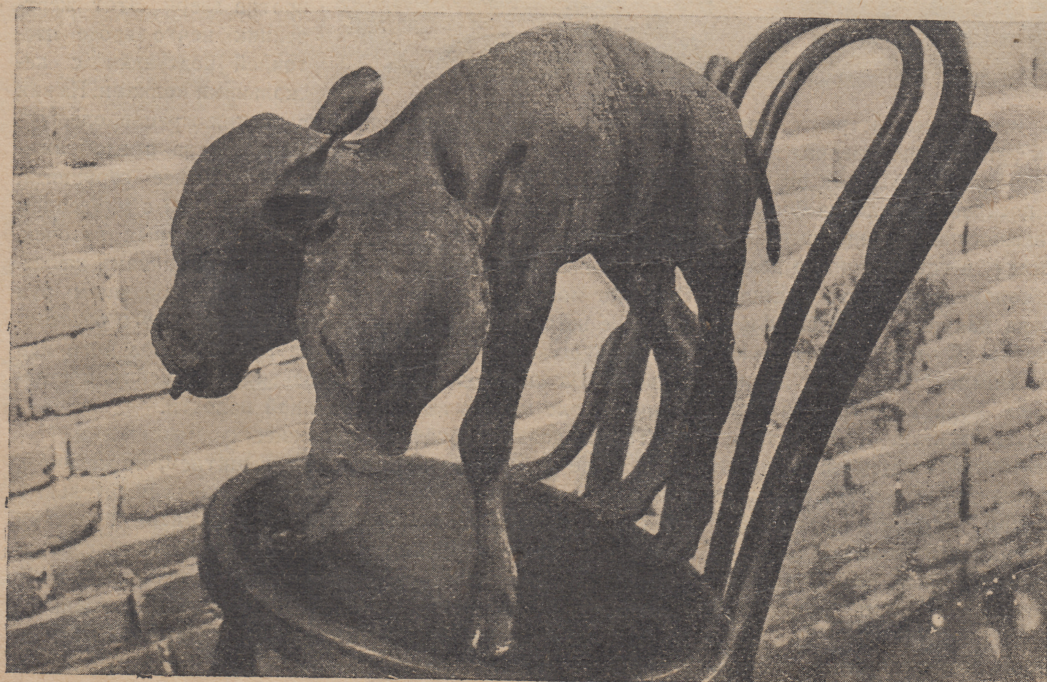
Теперь начнется осмотр больного. Первым движением врача является исследование пульса. Взяв вытащенную из-под рваных шуб руку больного, лама долго и глубоко-мысленно думает, надавливая пальцами на одну из лучевых артерий. Затем он требует от благоговящего перед ним в священном трепете пациента показать язык; в заключение произносит несколько слов и осмотр закончен.

Успевают ли целители моментально поставить диагноз или ему просто время дорого, но только после «исследования» собранный материал обдумывается не долго.

Усевшись на свое прежнее место, где к этому времени «ассистентом» ставится вторая скамеечка в качестве стола, лама вытаскивает из той же пазухи, где, кроме чашки, у него, очевидно, хранится много еще разного добра, бумажный кулек с пакетиками разных трав и начинает разворачивать их и по щепотке откладывать из некоторых на особую бумажку. Таким образом, составляется целебная «задачка», приняв которую большой должен выздороветь. Вот и все.

Покончив с составлением «задачи» и водворив лекарства за пазуху, где оказывается целый хозяйственный шкаф, лама поднимается, благословляет еще раз хозяина и больного, направившись к распахнутой «ассистентом» двери. Визит окончен.

Ко времени выхода ламы из юрты у коновязи, вместо двух бывших там лошадей, обыкновенно стоит уже три: а то еще и корова. Это «гонорар», который в обратный путь потянет за собой «ассистент» в поводу, но если больной почему-либо все-таки выздоровеет, то такая же благодарность будет дополнительно доставлена и от исцеленного.

Игра природы

В Академию Наук доставлен для зоологического музея из Казакстана фотографический снимок с родившего недавно в г. Алма-Ата теленка о двух головах, снимок которого мы здесь приводим.

Такая игра природы, как оказывается, является в Казакстане не единичным случаем. Так, в местном Джетысуйском губмузее (Казакстан) уже имеется чучело восьминогого барашка и теленка с одним глазом на лбу.

ОХОТА ЗА ГОРИЛЛАМИ

Африканские очерки.

Американский охотник с туземцами-пигмеями.

Мисс Конго
со своей
хозяйкой.

— Нет, бвана, мы не пойдем с вами на гориллу! Мы пойдем с вами на львов, слонов, куда бы вы ни повели нас, но человек с гор силен. Даже львы и слоны обходят леса, где он живет.

Таков был ультиматум, переданный вождем черных охотников, стоявших тут же и отрицательно качавших головами.

Говоривший с ними худощавый мужчина, с цветом кожи, доведенной лучами тропического солнца до бронзовых оттенков, продолжал настаивать. Недаром он прибыл сюда, в самое сердце Африки, один, рассчитывая на помощь туземцев-пигмеев. Теперь, сделав путь более 2.000 верст, он был почти у цели своего путешествия.

С запада подымались вулканические вершины Кирунских гор, громоздившихся вокруг озера Киву. По склонам их тянулись леса, где живут таинственные люди-звери, гориллы. Изучить их жизнь, сделать фотографические снимки и, по возможности, поймать гориллу живым, — вот задача, ради которой он совершил это трудное путешествие.

Предложенная плата, в три, в шесть и, наконец, в десять раз превышая обычное за такие услуги вознаграждение, не соблазнила маленьких охотников. Наконец, путем всяких хитростей и уловок, путешественнику удалось склонить вождя одного из туземных племен пигмеев созвать своих лучших воинов и охотников. Но и те отказались идти в страну горилл.

— Что вас так пугает? — спросил белый человек, объясняясь на свагильском языке, общераспространенном среди всех племен экваториальной Африки. — Чего вы боитесь? Горилла не бросается на человека.

Белый охотник старался придать возможно больше убедительности своим словам; быть может, это и повлияло бы на каких-либо других туземцев, но эти хорошо понимали суть дела.

— Белый человек говорит, что горилла не бросается на людей! — сказал вождь пигмеев, указав на сидевшего возле него туземца. — Этот человек резал бамбук в лесу, когда тот волосатый, что живет в лесу, напал на него.

Несчастный калека тут же показал свою обнаженную спину — целые куски мяса были вырваны зубами какого-то дикого зверя. Вывороченные колена не позволяли ему выпрямиться.

После этой демонстрации, туземцы снова разбрелись по своим хижинам.

Бен-Бурбридж, известный американский охотник-натуралист, однако, не был сражен этой второй неудачей. Двадцатилетний опыт охоты на обоих континентах Африки и Америки достаточно закалил его. Когда погоня за львами, ягуарами, буйволами перестала служить источником сильных ощущений, его стала привлекать охота на гориллу, как одно из самых рискованных предприятий.

Во время последней экспедиции ему удалось произвести посредством кино-аппарата интересные снимки горилл в естественных условиях их жизни, а также вывезти живыми восемь экземпляров молодых горилл, из которых только три были доставлены живыми в Европу и Америку. Одна из них — самка, приблизительно, шестилетнего возраста, благополучно прожила до катастрофы 1925 года во Флориде, дав возможность ученым произвести интересные наблюдения и изучить умственные способности животного, наиболее приближающегося к человеку.

С тех пор, как 80 лет тому назад одним миссионером был найден череп гориллы и тем самым подтвердилась правдивость рассказов древних путешественников о породе гигантских человекоподобных животных, не более, как 12 экземпляров горилл было вывезено из Африки. Большинство из них детеныши, очень небольших размеров, выживали всего несколько дней или недель. «Мисс Конго», самка, вывезенная Бурбриджем, является в настоящее время единственной гориллой, живущей вне африканских лесов. До 1905 года был всего один случай, когда белому охотнику удалось застрелить гориллу. Возможно, что и вообще не более как двадцати человекам белой расы удалось когда-либо видеть живыми совершенно взрослых горилл.

С полвека тому назад многие ученые сомневались в существовании горилл, хотя эти животные были известны еще за 500 лет до наступления христианской эры. Финикийский мореплаватель Ганно, совершая морской путь к югу вдоль африканского побережья 500 лет до Р. Х., описывал виденное им племя «волосатых людей», внешность и приемы которых целиком соответствуют современным гориллам.

Затем, в продолжение 2.000 лет о гориллах ничего не было слышно до 1590 года, когда английский моряк Андрию Баттель, вернувшись из путешествия в Африку, не подтвердил рассказа Ганно. Но все же горилла считалась легендарным существом до нахождения его черепа в 1846 году, полного скелета в 1851 г. и, наконец, шкуры, принесенной туземцами в миссионерский поселок в 1858 г.

В 1861 году американский исследователь Поль де Шалью напечатал отчеты своего путешествия по Африке, в которых он детально описывает как гориллу и его привычки, так и племя пигмеев, обитающих в лесах, неподалеку от страны горилл. Однако, ученые того времени все же не доверяли этим сведениям, а самого Далью с его

«мифическими» пигмеями и гориллами почитали за лгуна, пока новые исследователи не подтвердили существование как тех, так и других.

Бен-Бурбридж является одним из последних исследователей; он не только изобразил на кино-ленте подробности жизни и быта пигмеев, но и проник вглубь страны, в самую чащу горных лесов, окружающих озеро Киву, где, главным образом, обитают гориллы. Произведенные им снимки скоро появятся в виде отдельной американской фильма.

Вот как рассказывает сам охотник о своем отважном предприятии:

«Я никогда не стремился убивать горилл, хотя мне пришлось убить трех ради самозащиты, когда животные набрасывались на меня. Они не раз пытались атаковать меня во время съемок, но обычно с помощью туземцев мне удавалось спугнуть их выстрелами в воздух. В конце концов мне посчастливилось собрать необходимое количество туземцев, очевидно, мало знакомых с гориллами, а потому и согласившихся на мое предложение.

«Прежде всего — рассказывает путешественник, — я задался целью поймать живых горилл. Для этого понадобилось разрешение бельгийского правительства, так как гориллы водятся, главным образом, в бельгийском Конго. Мне было разрешено вывезти из каждой экспедиции по четыре экземпляра, из которых два были впоследствии мною отданы в Антверпенский зоологический сад.

«Наш метод заключался в том, чтобы подстеречь проходящую по лесу семью горилл с детенышами и выхватить последних в удобный момент. Это было далеко не просто и не безопасно, если только родители замечали отсутствие детенышей до нашего выхода из леса. Видя своих детей в опасности, гориллы становятся неустрашимыми. Это хорошо знают плотоядные хищники и потому избегают лесных убежищ горилл. Единственным отважным хищником в этом отношении является леопард, самое vorоватое и хищное животное из всей кошачьей породы. Мясо молодых горилл составляет любимое лакомство леопардов, а потому они зачастую ухитряются схватить отстающего детеныша и бежать с ним. Иногда, однако, гориллы нападают на леопарда; один из вождей туземцев рассказывал мне, как ночью он услышал, однажды, яростный рев в джунглях, сливавшийся с криками леопарда. По утру он нашел в лесу буквально истерзанное на куски тело леопарда.

«Я прибегал ко всевозможным способам, чтобы возбудить чувство любопытства или беспокойства у горилл, давая им возможность увидеть свое фотографическое изображение или же стараясь подражать крикам леопарда. Испуганная самка прямо шла по направлению звука моего голоса, в то время, как туземцы выкрадывали оставленного матерью детеныша.

Однажды нам удалось схватить двух детенышей. Предполагая, что остальные гориллы удалились, мы стали уже немедленно подвигаться к своей стоянке, как вдруг за нашей спиной раздался рев гориллы. Я не знаю ничего ужаснее этого рева. Он не уступает рычанию льва, но в звуках его есть нечто более грозное и жуткое. Разъяренное животное бьет себя в грудь кулаками, что производит впечатление глухих звуков огромного барабана. По треску ломающегося под грузными шагами кустарника позади нас мы поняли, что за нами следует вся банда. Засылав их голоса, пойманные нами молодые гориллы подняли визг как раз в тот момент, когда я стал готовить свой кино-аппарат в надежде получить сенсационный снимок для будущей фильма. Мы находились уже в прогалине и я никак не мог предполагать, что гориллы выйдут из лесного прикрития.

Гориллы мыслят, как человеческие существа. Они учитывают опасность, взвешивают свои шаги, никогда не бросаясь очертя голову, на врага, как это делают слоны, львы, буйволы и другие дикие животные. Сталкиваясь с превосходящей силой, они ограничиваются рычанием, за исключением тех случаев, когда разъяренные до последней степени они защищают жизнь своих детенышей. Я предполагаю, что они считают человека таким же сильным, как и сами они. Иначе они всегда набрасывались бы на людей.

Со мной было тогда три туземца. Тому из них, который нес мое ружье, я только что поручил вертеть кино-аппарат. В сопровождении двух других, державших детенышей, я направился по направлению к лесу, откуда по-прежнему доносились своеобразные звуки барабана. Сквозь чащу кустарника я не мог различить ни одного гориллы. Глухой рев становился так силен и так жутко,

что мои два туземца не выдержали и бросились бежать со своими пленниками. Этого как-будто только и ждал старый горилла, ринувшийся на меня сквозь кустарник. Перед моими глазами появилось гигантское волосатое существо, шагавшее прямо мне навстречу. Длинные руки его достигали до колен; не мудрено, что безоружные туземцы боялись горилл, но об этом я подумал уже после. Я выстрелил всего раз, он был так близко, что промахнуться я не мог. Горилла упал замертво у самых моих ног. Остальное семейство умчалось тотчас же вглубь леса. Передо мной лежало животное с мускулами, вздувшимися на теле большими узлами. Оно так напоминало собой человека или какого-нибудь доисторического предка нашей расы, что если бы я прибыл в эти леса ради охоты на горилл, то немедленно отказался бы от своей экспедиции.

В одну из моих экспедиций мне пришлось пережить весьма критические минуты. Я решил попытаться заполучить живыми более взрослых горилл. Единственный пойманный мною тогда горилла-самец лет семи-восьми весил 126 фунтов. Поимка этого животного мне стоила трех локманных пальцев и поранения обеих рук. С полдюжины моих туземцев лежало на поле битвы искалеченными и искованными. Кустарник был истоптан в этой борьбе, а кровавые следы вели в лес, следы другого гориллы, убитого туземцем, несшим мое ружье. Но посреди поля барахтался и бился в тенетах «Булла Матади», самый большой из пойманных когда-либо горилл. Он прожил, однако, не долго и не добрался до океанского берега.

Гориллы умирают от самых различных причин. «Булла Матади» был изжале́н до смерти стаей муравьев-воинов, которые ночью забрались в его клетку, когда весь лагерь спал.

Из последней моей экспедиции выжила только одна, оставленная мною для себя «мисс Конго». Это удивительное животное, почти человекоподобное. Строение ее черепа, движение лицевых мышц, почти не развитых у других пород обезьян, поражают своим сходством с человеком. У нее вполне развитое по форме ухо. Горилла—единственное животное, у которого имеются ушные мочки и форма ногтей совершенно подобна человеческой. «Мисс Конго» движет своими руками и пользуется ими так же, как и человек. Отличие состоит лишь в ее неумении владеть большим пальцем руки, соразмерно с другими пальцами. Она обладает интеллектом, который можно уподобить человеческому. Ее способность думать, приходить к известным логическим выводам, не руководствуясь исключительно инстинктом, подтверждается научной экспертизой. Один из опытов здесь весьма убедителен. На известной высоте, недоступной для гориллы, был подвешен апельсин — любимое лакомство «мисс Конго». По двору, где живет привязанная цепью к большому дубу обезьяна, было разбросано три ящика. Заметив апельсин, «мисс Конго» быстро сообразила, что достать его не может, почесала себя за ухом и стала глубокомысленно разглядывать один из ящиков. Под влиянием внезапно осевшей ее мысли она подбежала к ящику и, поставив его под апельсин, попыталась его достать. Однако, он был все еще недоступим. Минуту она просидела в глубоком раздумье, затем притащила другой ящик и поставила его на первый. Очевидно, уразумев причину своей второй неудачи, она немедленно принесла третий ящик и, осторожно взобравшись на него, достала апельсин.

Поставили и другой опыт. В водокачную трубу было вложено яблоко с таким расчетом, чтобы она не могла достать его рукой и тут же был оставлен деревянный прут. Попробовав вытащить яблоко рукой, обезьяна быстро догадалась вытолкнуть его палкой. «Мисс Конго», так же блестяще оправдала и свою память. На ее глазах в стеклянную банку была положена любимая ею пища и зарыта на отдаленном расстоянии в песок. Через несколько дней ее спустили с цепи, неподалеку от того места. Она вспомнила о банке и вырыла ее из песка.

Главной причиной смерти горилл является в значительной степени содержание в неволе, неподходящее питание, а также их подверженность к заболеванию воспалением легких и туберкулезом. Последнее объясняется слишком близким соприкосновением с людьми. Несмотря на то, что «мисс Конго» все время содержалась на открытом воздухе, она ни разу не болела со времени своего прибытия в Америку. Так как предельный возраст гориллы, приблизительно, равен человеческому, то «мисс Конго», вероятно, достигнет зрелого возраста лет через десять, а следовательно, сможет прожить еще лет пятьдесят, что даст широкую возможность близко изучить породу этих интереснейших животных и установить их родство с человеком.

Целый ряд простых, но очень занятных фокусов, может быть сделан с одной или несколькими монетами.

НЕВИДИМЫЙ ПОЛЕТ.

ФОКУСНИК занимает 4 одинаковые монеты, берет по одной в каждую руку, закрывает их и просит положить остающиеся две монеты на ногти. (См. рис. 1). Затем, разведя руки в стороны и слегка покачав ими, он делает резкий взмах, слышно звяканье и монеты с ногтей исчезают. Руки медленно раскрываются—в левой руке три монеты, в правой только одна. Из правой руки, как объясняет фокусник, одна монета «невидимо перелетела» в левую.

Этот фокус требует некоторой практики, но зато внушает зрителям большое уважение к ловкости фокусника.

Рис. 1.

Выше дано описание трюка в том виде, каким он кажется публике. На деле же произошло вот что. При первой попытке фокусник «промахивается». На стол падают две монеты как-будто с ногтей, хотя их там нет; на самом же деле, эти монеты упали из правой руки, а монета на ногтях левой руки была взята внутрь в момент перекидывания. Фокусник извиняется, объясняя неудачу трудностью фокуса и просит положить монеты на ногти еще раз. Теперь остается слегка взмахнуть руками и забрать монеты внутрь. Попрактиковавшись пять-шесть раз, с этим трюком можно уже смело выступать перед зрителями. Очень важно не пересолить во время извинений за неудачу «первой» попытки, чтобы не возбудить подозрений.

ФОКУСЫ-ШУТКИ.

ТЕПЕРЬ мы опишем несколько номеров, носящих шуточный характер.

Положите две монеты на край стакана, как показано на рис. 2, затем предложите кому-нибудь из зрителей одновременно снять обе монеты, дотрагиваясь до них только двумя пальцами. Как это делается, показано на рис. 2. Монеты осторожно захватываются большим и указательным пальцами и спускаются по сторонам стакана. После этого их сближают и складывают вместе.

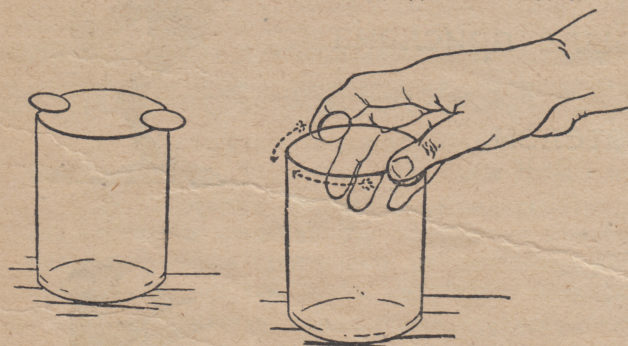

Рис. 2.

Положите на стол медную пятикопеечную монету и спросите, сколько на нее можно положить бронзовых копеек или серебряных гривенников так, чтобы они не высовывались за края монеты. Большинство людей скажет, что так можно положить три-четыре монеты. На самом же деле уместится только одна, в чем нетрудно убедиться.

Поставив вертикально копеечную монету, спросите, сколько монет того же достоинства нужно сложить в виде столбика, чтобы получить колонку такой же высоты. Можно заранее сказать, что никто не укажет действительной цифры — 17 штук.

ЛЕТАЮЩИЙ ДВУГРИВЕННЫЙ.

ФОКУСНИК берет довольно крупную монету (напр., двугривенный) указательными большим пальцами правой руки и три раза шлепает ею по левой ладони. (См. рис. 3). После третьего шлепка обе руки оказываются пустыми. Фокусник трясет руками, чтобы показать, что монета не спрятана у него в руках.

В чем секрет? Фокусник все время пристально смотрит на левую ладонь, а потому—глаза зрителей после первого или второго шлепка перестают уже следить за правой рукой. Во время третьего взмаха вверх, фокусник кладет монету на голову или на поля своей шляпы.

Несмотря на свою крайнюю простоту, трюк при правильном выполнении кажется поразительным. Его особые достоинства — отсутствие всяких резинок, зажимов и других аппаратов.

Рис. 3.

ВОЛШЕБНЫЕ МОНЕТЫ.

ФОКУСНИК занимает у зрителей две монеты и кладет их на тот край стола, где он сидит. Показав, что руки у него совершенно пусты, он берет левой рукой одну монету (открыв ее на несколько секунд, чтобы зрители убедились, что он ее действительно взял) и затем правой рукой берет остающуюся монету. Левую руку он просовывает под стол, а правой начинает «втирать» монету в доску стола. Когда «втирание» окончено, зрители слышат звяканье монеты, прошедшей через стол и упавшей в левую руку. Последняя вынимается из-под стола и в ней, действительно, оказываются обе монеты, правая же рука совершенно пуста. При желании обе монеты могут быть помечены зрителями, чтобы предотвратить подмен.

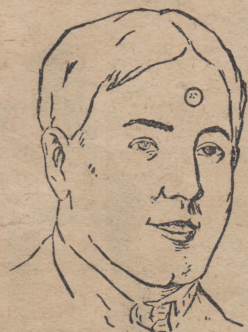

Секрет этого трюка в том, что фокусник не берет правой рукой второй монеты, а сбрасывает ее себе на колени. Зрители, только что убедившись, что он взял монету другой рукой, то же самое думают и о правой. Во время «втирания» фокусник незаметно снимает монету с колена и в подходящий момент встряхивает левую руку, чтобы монеты звякнули. Брать монеты следует как показано на рисунке, т.е. сначала закрывая их согнутыми пальцами, а затем сдвигая к краю стола.

МАГНИТНАЯ ГОЛОВА.

ФОКУСНИК заявляет, что его голова обладает особыми магнитными свойствами и способна, не в пример обыкновенному магниту, притягивать любой металл. Для доказательства он прикладывает занятую у зрителей копеечную монету к своему лбу и... монета держится как приклеенная. Осмотр не обнаруживает клеекого вещества ни на лбу, ни на монете, что углубляет таинственность фокуса.

Трюк этот на редкость легкий. Монета просто крепко прижимается ко лбу и слегка сдвигается вверх, после чего она держится уже без посторонней помощи. Фокус особенно хорошо удается со вспотевшей кожей; в противном случае полезно провести по лбу перед фокусом сырой тряпкой или мокрым пальцем, чтобы обеспечить успех. Для трюка следует пользоваться только мелкими монетами, не крупнее 20-копеечного достоинства.

О НАШИХ КОНКУРСАХ.

Кому не улыбнулась судьба, тот может еще рассчитывать на свою смекалку.

10 мая кончается последний срок отсылки с мест всех решений нашей «Живой цепи»; результаты этого первого конкурса выяснятся в конце мая и будут напечатаны в одном из первых июньских номеров.

Даем благожелательный совет всем нашим читателям: просмотрите три последних номера «Вокруг Света», в которых помещены, объяснены и наглядно иллюстрированы задачи Архимеда. Эти задачи послужат темой нашего второго конкурса на сообразительность.

ВЫИГРАВШИМ НАШИ ПРЕМИИ.

Издательство «Красная Газета» настоящим обращается ко всем тем подписчикам «Вокруг Света», которым посчастливилось выиграть наши премии, со следующими просьбами:

1. Сообщить точно свои адреса и фамилии, а также и другие интересные сведения. Особенно желательно получить более подробные сведения от выигравших четыре первых премии.

2. Указать, что именно хотели бы иметь в выигранном предмете (напр., велосипед мужской или дамский, буцы для определенного размера ног и т. д.).

3. Пересылка всех выигранных предметов пойдет за счет не издательства, а счастливых избранников судьбы. А посему еще раз пишите точно свои адреса.

КО ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ.

Редакция просит своих читателей поделиться с ней своими соображениями о премиях и конкурсах «Вокруг Света». Нам этот живой материал с мест поучителен и дорог, равно как и читатель наш только выиграет от того, что редакция пойдет во многом навстречу его пожеланиям.

К ЗАДАЧАМ АРХИМЕДА

Образцовые фигурки людей.
одна из которых была прислана
нашим читателем.

10000 Слов немецких

Это не школьное руководство, а богато иллюстрирован. новейший самоучитель немецкого языка. Занимательный по своему содержанию, он легок в усвоении и экономичен по времени: весь курс из 15 выпусков можно пройти в шесть месяцев.

Цена отдельного выпуска 15 коп.

Требуйте у всех газетчиков, в книжных киосках и на вокзалах.
2 руб. Весь курс из 15 выпусков по подписке. **2 руб.**

ЛЕНИНГРАД, Фонтанка, 57. „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

САМОУЧИТЕЛЬ РЕМЕСЛ И ПРОИЗВОДСТВ

Мыловаренное произв. — 1 р. 40 к. Крахмальное производство—60 к. Столярное ремесло с 116 рис. 80 к. Набивка чучел зверей и птиц с 80 рис. 80 к. Починка резинов. га-лош, шин и мячей—60 к. Произв. щеток с 62 рис.—50 к. Пригот. мездрового и костяного клея, и желатины с 16 рис.—70 к. Окраска кож Лейхмана—50 к. Берестяное произв. с 22 рис.—35 к. Выбелка кроличьих шкур с рис.—50 к. Мягкая игрушка из ткани, с 21 рис., таблицами и выкрой-ками—1 р. Работы из рога и копыта—35 к. Работы из папье-маше—50 к. Зеркальное произв. Наводка зеркал куст. спо-собом—80 к. Как проводить электр. звонки, с 21 рис.—45 к. Как самому переплетать книги, с 31 рис.—35 к. Как делать куст. игрушки, с 36 рис.—45 к. Как шить обувь, с 90 рис.—70 коп. Колесная мазь произв.—75 к. Произв. ваксы и мази для обуви—45 к. Электродвигатели и их примен., с 54 рис.—70 к. Кровельное дело, с 138 рис.—1 р. 25 к. Постройка лет-них и зимних домов, с атласом, 20 табл., 127 рис.—1 р. 50 к. Плотник-строитель, с 69 рис.—40 к. Дер. слесарь, с 37 рис.—30 к. Дер. жестяник, с 8 рис.—30 к. Произв. лаков и олиф—90 коп. Как самому делать прочн. сандалии, с 19 рис.—40 к. Малярное дело—45 к. Гальваноопластика и гальвано-стегия, с 26 рис.—50 к. Домашн. приг. сахара, 2 брош.—55 к. Трикотажно-чулочное пр. на машине, с 44 рис.—1 р. 55 к. Токарь по дереву, с 46 рис.—60 к. Токарь по металлу, с 92 рис.—75 к. Химическое окрашив. и лакиров. металлов, с рис.—65 к. Паяние и лужение, с 21 рис.—40 к. Собир. ле-карств. трав, с таблиц. в красках—1 р. Цены указаны с пе-ресылкой. Налож. плат. на 10 к. дорожке. Небольшие суммы просим высылать вперед, можно марками. Новый каталог на 1927 г., 96 стр., более 2.400 назв., высылается за 30 к. мар-ками. Требования адресовать в Ленинград, Ново-Алексан-дровский рынок, № 93, книжному магазину М. П. Петрова (б. стар. фирма А. Сухова).

Подыскиваем и выслаем по требованиям заказч. все книги по ремесл., популярн. технике, электротехнике и хи-мической технологии. На запросы прилагать марки.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

Обязательно указывайте, во избежание путаницы, являетесь ли вы подписчиком новым или же только продолжаете свою старую подписку

НА ЖУРНАЛ

„ВОКРУГ СВЕТА“

Несвоевременный выход журнала „ВОКРУГ СВЕТА“ вызвал целый ряд запросов со стороны подписчиков, кото-рым мы считаем необходимым дать следующие разъяснения:

- 1) Подписчикам, подписавшимся в октябре, ноябре и декабре и внесшим подписную плату в размере 40 или 50 копеек, разосланы №№ 1 и 2 журнала.
- 2) Некоторые одновременно подписывались на ноябрь и декабрь 1926 г. а также и на 1927 год (на несколько месяцев). Эти подписчики уже получили №№ 1 и 2 журнала, остальные же номера будут получать в зависимости от досланной ими суммы (сверх 40 или 50 коп.). Рекомендуются досылать деньги так, чтобы получалась подписка на 3, 6 или 12 месяцев.
- 3) Подписчики, переславшие подписную плату и пересылающие ее теперь без указания срока, с какого числа они подписываются, зачисляются подписчиками с 1 января и им досылаются №№ 1 и 2. В дальнейшем они получают журнал в зависимости от срока, на который они подписались, из расчета двух номеров в месяц.
- 4) Каждый, приславший подписную плату только на один месяц, т. е. 40 коп., получает два очередных номера, независимо от того с какого месяца он указывает подписку.
- 5) Каждому, приславшему подписную плату с указанием, что подписка производится с января 1927 года, высылаются все вышедшие номера.
- 6) Условия розыгрыша, порядок и сроки его, разъяснения о приложениях опубликованы в № 2 журнала „ВОКРУГ СВЕТА“. Разъяснения даются и по запросам читателей.
- 7) Второе приложение „По суше, морю и воздуху“ вышло после № 6.
- 8) Журнал будет выпускаться с таким расчетом, чтобы к 1-му июля дать 12 №№, т. е. из расчета два №№ в месяц,—считая с 1 января 1927 года.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

КТО ВЫИГРАЛ?

Выигрыши наших премий
пали на следующие номера:

Радио-аппарат:

0829

Фотографическ аппарат:

3853

1-ый Велосипед:

2445

2-ой Велосипед

2768

5 Самопишущих перьев:

6866 4627 6880

3587 2809

6 пар буц:

1741 4100 2444

0637 3543 4542

6 футбольных мячей:

4248 0937 4572

0053 4078 6098

15 рыболовных наборов:

1988 0652 2378

6612 5785 3603

3771 6883 1080

2568 5770 0746

6816 6512 4046

АПРЕЛЬСКИЙ

РОЗЫГРЫШ:

1 Радио-аппарат

1 Фотограф. аппарат

2 Велосипеда

5 Самопишущ. перьев

6 Пар буц

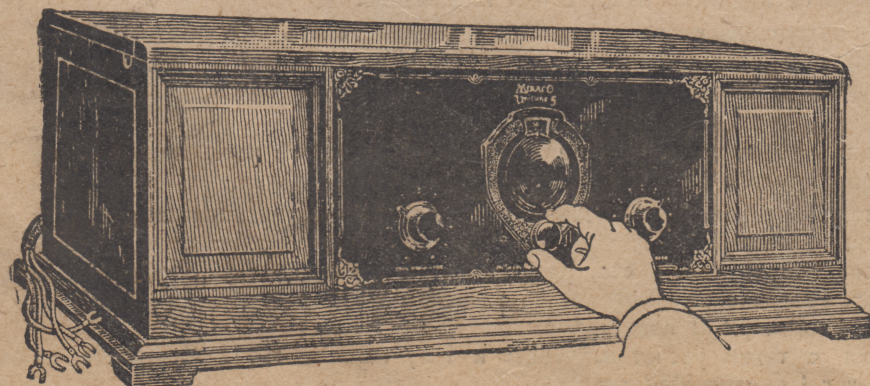
6 Футбольных мячей

15 Рыболовн. наборов

30 Перочинных ножей

Ящик для радио-приемника

30 перочинных ножей:

5344	6332	4676
2763	2231	6661
5249	0684	5683
3813	3059	2831
5245	4690	1404
3349	5118	4213
2048	3865	4766
3884	5124	0994
3075	4375	5630
2370	0298	2107